

Святой Иоанн де ла Крус
Доктор церкви

Пламя любви живой

Четвёртое издание

Мадрид 1960.

Пламя любви живой

Объяснение песен, трактующих весьма интимный и возвышенный союз и преобразование души в Боге, сделанное иеромонахом Иоанном де ла Крусом¹, кармелитом босым, по просьбе доньи Анны де Пеньялоса, подкреплённой его собственным молением, в году 1584.

Иисус, Мария, Иосиф

ПРОЛОГ

1. Известную неохоту питаю, премного благородная и набожная сеньора, к разъяснению сих четырёх песен, о чём просит меня Ваша Милость, потому что суть вещи столь внутренние и духовные, для каковых обыкновенно не хватает языка (ибо дух превосходит чувство); с трудом выговаривается что-либо о субстанции, потому что дурно также обращаться к недрам духа, если не с духом сердечным и искренним; и, поскольку мало его во мне, откладывал исполнение до сей поры, когда Господь, кажется, открыл мне в мале понятие о сём и даровал некоторый жар. Должно быть из-за святого желания, которое имеет Ваша Милость, пожалуй, как говорится, ради набожности вашей, восхотело Его Величество, чтобы объяснены они были для Вашей Милости. Это вдохновило меня, в полном сознании того, что из моего урожая всё некстати, так что почти ничего не скажу, тем более в вещах столь возвышенных и субстанциальных. Через то не будет ничего моего в сём, кроме дурного и ошибочного; и через то всё сие подчинено лучшему мнению и суждению нашей матери, Церкви Римской Католической, под чьим правлением никто не заблудился. И с такой предпосылкой, опираясь на божественное писание, и с пониманием того, что всё сказанное мною настолько меньше содержащегося там, насколько нарисованное отличается от живого, осмеливаюсь рассказать то, что знаю.

2. И не удивительно, что оказывает Бог такие высокие и внутренние милости [душам], какими угощает Он их, ибо, если рассмотрим, каков Бог есть, и что творит их (сиречь милости), как Бог и с бесконечной любовью и ласкою, это не покажется нам необоснованным; ибо сказал Он, яко **к тому, кто любит Его, приходят Отец, Сын и Дух Свят, и пребывают в нём** (Ин.14,23), каковое створяет и ему (сиречь любящему) жить и обитать во Отце, Сыне и Духе Святе, в житии Божиим, как то даёт уразуметь душа в сих песнях.

3. Так что, хотя в песнях, которые мы изъяснили выше, говорим о весьма совершенной ступени праведности, каковой можно достичь в жизни сей, и которое есть преобразование в Бога, всё же сии песни трактуют о любви ещё более достойной и совершенной в самом состоянии такового преобразования; ибо, хотя истина есть, что всё, о чём гласят и те и эти, есть состояние преобразования, и невозможно пройти оттуда сколь-нибудь, но

можно, со временем и упражняясь, испытать себя (как говорю) и субстанцироваться в любви много сильнее; точно так, как вошедший в дерево огонь трансформирует его в себе и становится уже единым с ним, всё же с увеличением жара огня и более длительном пребывании в нём, оно (дерево) становится всё более раскалённым и возжённым, вплоть до того, что само начинает искриться огнём и пламенеть.

4. И в сём возжённом состоянии следует понимать то, что говорит здесь душа, уже так преображённая и испытанная внутренне в огне любви: что не только стала единой с этим огнём, но что творит уже живое пламя в ней; и она так знает это, и так говорит об этом в сих песнях с интимной и утончённой нежностью любви, рдея в сём пламени, восхваляя в сих песнях некоторые действия, которые производят в ней; каковые собираюсь изъяснять в том же порядке, что и прочие: так что вначале приведу их все вместе, и тут же, приводя каждую песню по отдельности, буду объяснять её вкратце, а после, приводя каждый стих, объясняю, что он есть сам по себе.

Брат Хуан де ла Крус, *босой кармелит*. Гранада.

Сам Иоанн де ла Крус доставляет нам некоторые данные об этой поэзии и комментариях на неё. Речь идёт о четырех песнях, которые в своей внешней структуре вдохновлены стихами Гариласа: **Одиночество внимающее...** Сначала поэзией и тут же прозой написаны в **Мучениках Гранады** и посвящены благородной матроне сеговийской Донне Анне де Пеньялоса, посещающей с покаянием досточтимого Приора Кармелитов. Время сочинения колеблется, кажется, около 1584-85 гг. для первой редакции.

ПЕСНИ, КОТОРЫЕ СОЧИНЯЕТ ДУША В ИНТИМНОМ СОЮЗЕ С БОГОМ, ЕЁ СУПРУГОМ ВОЗЛЮБЛЕННЫМ

1. О, пламя любви живой,
что нежно так ранишь
душу мою в глуби сердечной!
ибо не ускользаешь уже,
престал уже, как ты желаешь;
рви ткань этой сладкой встречей.
2. О, нежное прижигание!
О, язва приятная!
О, тонкое касание, о длань мягкая,
что о жизни предвечной знает
и все долги возмещает!
Убивая, смерть в жизнь пременяет.
3. О, светы пламени,
в чьих блистаниях
глубокие пещеры чувства
остаются слепыми и тёмным
от чудного его искусства,
Желанному жар и свет давая разом!
4. Сколь кроток и любовен
привет в моём лоне,
где единственный тайно обитаешь
и в твоём дыхании сладком,
славой и благом полным,
сколь утончённо меня влюбляешь!

Строение этих лир (т.е. лирических строф) суть подобно таковым у Боскана, которые обращены к божественному и гласят: *Преследуя одиночество, / оплакивая мою судьбу, / иду дорогами, которые предлагаются мне*, и т.д., в каковых имеется шесть стоп, четвертая соотносится с первой, а пятая со второй, и шестая с третьей.

ПЕСНЯ /ПЕРВАЯ/

**О, Пламя любви живой,
Что нежно так ранишь
душу мою в глуби сердечной!
ибо не ускользаешь уже,
престал уже, как желаешь;
рви ткань этой сладкой встречей!**

ИЗЪЯСНЕНИЕ

1. Ощущает уже себя душа целиком воспламенённой в божественном союзе, и небо своё уже полностью омытым славою и любовью, и что вплоть до интимных её субстанции переполнена не меньше, чем реками славы, изобилуя в радостях, чувствуя, яко *истекают из чрева ея реки воды живой*, как сказал Сын Божий, что изливаются в подобные души (Ин 7,38), и кажется ей, - так как с такою силою преобразилась в Бога и так возвышенно Им одержима, и такими изобильными богатствами даров и доблестей погоняема, - что она столь близка к блаженству, что одна только лёгкая ткань отделяет её от него; и поскольку видит, яко то самое тонкое пламя любви, которое рдеет в ней, всякий раз, когда атакуется им, бывает как прославляемая нежной и крепкой славой, настолько, что каждый раз, когда нападает на неё и поглощает её, кажется ей, что одаривается жизнью вечной, и что разрывается ткань жизни смертной, и что недостаёт лишь очень малого, и как через это малое не приходит к прославлению в существе ея, обращается с великим желанием к огню - каковой есть Дух Свят – чтобы разорвал уже жизнь смертную посредством сей сладкой встречи, в каковой поистине закончил сообщать ей то, что, кажется ей получает в дар при каждой встрече, то есть прославил бы её совершенно и навечно. И поэтому молвит:

О, пламя любви живой!

2. Дабы восхвалить чувство и уважение, с которым говорит в сих четырёх песнях, полагает во всех них эти выражения: ***О!***, ***Сколь!***, которые означают возвеличение любящее; таковые, всякий раз как произносятся, позволяют уразуметь внутреннее лучше, нежели выговариваемое языком. И служит это ***О!*** Умножению желания и убедительности прощения, и ради обоих этих эффектов использует его душа в сей песне, потому что в нём восхваляет и объявляет о великом желании, внушённом любовью, которая развязала её [язык].

3. Сие *пламя любви* есть дух её Супруга, каковой есть Дух Свят, которого ощущает уже душа в себе, не только как огонь, который снедает её и преобразует в нежной любви, но как огонь, который, помимо сего, рдеет в ней и выбрасывает [языки] пламени, как она

сказала; и каковое пламя, всякий раз, как пламенеет, купает душу во славе и освежает в сердцевине жизни божественной. И сие есть действие Духа Свята в душе, преображённой в любви, так что акты, которые совершает внутренне, пламенны; которые суть возожжения любви, в которой единится воля души, любящей наивозвышеннейшие, претворённая в любовь сим пламенем. Итак, сии любовные акты души являются наидрагоценнейшими, и в едином из них заслуживает и удостаивается она большего, нежели во всех тех многих, которые совершила за целую жизнь без этого преображения, потому что он есть большее, чем это. И разница, которая существует между обыкновением и актом, есть между преображением в любви и пламенем любви, каковая та же, что между деревом воспламенённым и пламенем его; каковое пламя есть действие огня, который есть в нём.

4. Откуда душа, пребывающая в стадии преображения любовного, позволяет вам сказать о ней, яко привычное её обыкновение подобно дереву, которое всегда брошено в огонь, и акты сей души суть пламя, порождаемое огнём любви, которое тем яростнее, полыхает, чем более интенсивен огонь единения. В каковом пламени единятся и возвышаются акты воли вспыхнувшей и восхищённой в пламени Духа Свята, что подобно ангелу вознёсшемуся к Богу в пламени жертвы Мануя (Юд. 13,20). Итак, в сём состоянии не может душа совершать актов; яко все их вершит Дух Свят, и подвизает к ним, и через то все акты её суть божественны, поскольку свершены и подвигнуты Богом. Откуда кажется душе, что всякий раз, когда пламенеет сие пламя, сотворённое любовью со вкусом и настрением божественным, будто одарена она жизнью вечной, поскольку она возвышена к действию Бога в Боге.

5. И это есть язык и слова, с которыми обращается Бог к душам очищенным и прибранным, целиком возожжённым, как молвил Давид: *Слово Твоё возожжено яростно* (Пс. 118, 140); и пророк: *Может быть слова мои не суть подобны огню?* (Иер. 23,29). Каковые слова, как Он Сам говорит через Святого Иоанна, суть *дух и жизнь* (6,46); их воспринимают души, которые имеют уши, чтобы слышать, и которые (как говорю) суть души очищенные и влюблённые; те же, которые не имеют нёба здравого, но вкушают иные вещи, не могут вкушать духа и жизни сих [слов], но скорее они безвкусны для них. И поэтому, чем более высокие слова износил Сын Божий, тем более они не по вкусу некоторым из-за их нечистоты, как это было, когда проповедал Он такое вкусное, верховное и возлюбленное учение о Святой Евхаристии, что многие из них отвратились от Него (Ин. 6,67).

6. И оттого, что таковые не вкушают сего языка Божия (на котором говорит из недр души), не следует думать, будто не вкушают его другие, как здесь говорить; как вкушал его Святой Пётр в душе, когда сказал Христу: *Куда пойдём, Господи, яко имеешь слова жизни вечной?* (Ин. 6,69); и Самаряныня, забывшая о воде и сосуде от сладости слов Сына Божия (Ин. 4,28). Итак, находится сия душа столь близко к Богу, что преображены в пламя любви, в котором сообщается Отец и Сын и Дух Свят, и какую же невероятную вещь говорит она, яко вкушает след жизни вечной, хотя и несовершенно, потому что не позволяет сего условие жизни сей? но столь возвышенна радость, которую пламень Духа Свята сотворяет в ней, что вкус, который она ощущает, имеет вкус жизни вечной. Поэтому зовётся это пламя *пламенем живым*; не потому, что не всегда оно якобы живо, но потому, что так воздействует, что сотворяет душу живой в Боге духовно и даёт ей ощущать жизнь Бога, по чину, о котором молвит Давид: *Сердце моё и плоть моя веселятся в Боге живом* (Пс. 83,3); не оттого, что необходимо было ему сказать, яко [Бог] жив, ибо завсегда таков есть, но ради того, чтобы дать понять, яко дух и чувство живо вкушали Бога, совершенные в Боге; каковое значит вкушать Бога вживе, то есть жизнь Бога и жизнь вечную. Ни от чего иного сказал там Давид *«В Боге живом»*, но лишь оттого, что живо вку-

шал Его, хотя несовершенно, но как отблеск жизни вечной. Итак, в пламени сём душа так живо ощущает Бога, которого вкушает с толиким вкусом и нежностью, что восклицает:

***О, пламя любви живой!
что нежно так ранишь!***

7. То есть, что жаром Твоим нежно касаешься меня. Так что, поскольку сие пламя есть пламя жизни божественной, оно ранит душу с ласкою жизни Божией, и настолько и так сердечно её ранит и умиляет, что она тает в любви, потому как исполняется на ней то, что происходило с Супругой в Песнях, которая настолько умилилась, что растопилась так молвит она там: ***Тотчас, как Супруг заговорит, растапливается душа моя*** (5.6); потому что речь Божия есть то действие которое Он створяет в душе.

8. Однако, как это можно сказать, яко ранит её, если в душе нет вещи ранимой, и вся душа в целом уже прижжена огнём любви? Есть вещь удивительная то, что любовь никогда не отдыхает, но пребывает в непрерывном движении, подобно пламени, постоянно разбрасывая искры там и сям; и любовь, чьё ремесло есть ранить, поражая стрелами влюблённости и радости, поскольку сия душа в ней пребывает в пламени живом, мечет свои уязвления как тончайшие искры нежной любви, занимаясь весело и празднично искусствами и играми любви, в брачных покоях, подобно Артаксерксу с супругой его, Эсфирью (2.17), оказывая там свои милости, отрывая [там] свои богатства и славу своего величия, через что исполняется на душе сей сказанное Им, в Притчах: ***Услаждала себя во все дни, играя перед Ним во всякое время, играя в округе земель, и в уладах своих была сынами человеческими*** (8.30-31); что значит: *одаривая их ими*. Вот почему эти раны – кои суть игры её – суть пламенные нежные касания, которые претерпевает душа моментами со стороны огня любви, которая не знает усталости. Таковые [касания], говорит, случаются и ранят

душу мою в глубь сердечной

9. Ибо, в сущности, души, которой не могут достичь ни бес, ни чувство проходит этот праздник Духа Свята, и через то, тем более безопасно, субстанциально и усладительно, чем более внутренне; потому как, чем более он внутренен, тем более изобильно и часто, и обычайно сообщается с Богом; итак, сей праздник тем больше радостен и веселит душу, от того что Бог здесь работник во всём, тогда как душа со своей стороны ничего не делает. И, поскольку душа от себя не может ничего делать, если не посредством телесного чувства, - что для неё в этом случае наиболее легко и беспрепятственно, - дело её заключается лишь в том, чтобы внимать Богу, что возможно единственно на самом дне души, (безо всякой помощи чувств), где Бог делает свою работу и подвизает душу; таким образом, все движения такой души суть божественны; и, хотя суть её и свои, потому что Бог их в *ней* сотворяет, и *с ней*, яко отдаёт Ему свою волю и согласие. И поэтому сказать: ранит в *глубочайшем сердце* души, значит дать понять, что душа имеет (также) иные центры, не столь глубокие, и следует обратить внимание на то, каковы они.

10. А что до первого, то следует помнить, что душа, как только лишь дух, не имеет ни высоты, ни низины, ни более глубокого, ни менее глубокого в своём существовании, как то имеют тела исчислимые; и, поскольку она не имеет частей, не имеет большого различия внутреннего от внешнего, яко вся она [скроена] на один манер и не имеет [центра] глубокого и менее глубокого, в смысле числа, поэтому не может быть более освящённой в одной части, чем в другой, подобно телам физическим, но – вся целиком [бывает освящена] больше или меньше, подобно воздуху, который весь единообразно бывает освящён и не освящён, больше или меньше.

11. Глубочайшим сердцем мы называем в вещах то, к чему наиболее может прийти её [вещи] суть и доблесть, и сила её деятельности и движения, и не может прийти отсюда, точно как огонь или камень имеет доблесть и движение к тому, чтобы достичь центра своей сферы, и не могут прийти оттуда, ни перестать стремиться туда или оставаться там, если только не под действием какого-либо препятствия, противонаправленного и насильствующего. Согласно этому, говорим, яко камень, когда каким-либо образом находится внутри земли, хотя и не в самой глубине её, пребывает [тем не менее] некоторым образом в своём центре, потому что находится внутри сферы, обнимающей его центр и активность, и движение, однако не говорим, что он находится в самом глубоком центре её, который есть середина земли; итак с ним всегда остаются доблесть и сила и склонность к тому, чтобы снижаться далее вплоть до самого предельного и глубочайшего центра, если он свободен от препятствий его продвижению; и когда достигает его, то уже не имеет более в себе доблести и устремления к дальнейшему движению, тогда говорим, яко уже пребывает в своём глубочайшем центре.

12. Центр души (сердце её) есть Бог, какового когда достигает всею способностью своего существа, в соответствии с силой своего действия и устремления, достигает в Боге своего предельного и глубочайшего сердца, что бывает, когда всеми своими силами внимает, любит и радуется Богу. А когда не достигает таким образом Его, – что случается в сей смертной жизни, в которой не может душа прийти к Богу во всех её силах, – то хотя пребывает в своём сердце, которое есть Бог, через милость Его и сообщение ей Себя, поскольку всё ещё имеет движение и силу для большего, не удовлетворена, хотя пребывает в центре, но однако не в самом глубоком, и поэтому может двигаться к большей глубине в Боге.

13. Нужно, стало быть, отметить, что любовь есть стремление души, и сила, и доблесть, которую имеет, чтобы идти к Богу, потому что посредством любви единится душа с Богом; итак, чем более сильную любовь питает, тем более глубоко входит в Бога и концентрируется около Него. Откуда можем заключить, что сколько степеней любви к Богу может иметь душа, столько сердец (или центров) может иметь в Боге, один внутреннее другого; потому что любовь более сильная и более единящая, и таким образом может разуметь то, *множество обителей*, о которых сказал Сын Божий, яко имеются *в доме Отца Его* (Ин 14.2). Таким образом, для того чтобы душа пребывала в своём сердце, которое есть Бог, как мы сказали, достаточно ей иметь некую степень любви, так как только через таковую единится с Ним милость Его; если же будет иметь две степени, объединится и сосредоточится с Ним в другом сердце, более внутреннем; а ежели достигнет третьей, сосредоточится как бы в третьем; а ежели достигнет предельной степени, достигает уязвления любовь Божией вплоть до последнего и глубочайшего сердца души, яко будет преображена и прояснена во всецелой сущности её и потенции и доблести, соответственно вместимости восприятия, вплоть до уподобления Богу. Точно так, как когда на чистый и прозрачный кристалл падает свет, то чем больше степеней света он воспринимает, тем более света концентрируется в нём, может прийти к такому уподоблению свету, который принимает, что сам есть свет, и не различим во свете, будучи в целость своей как прояснив части приятия его, что сам кажется, будто свет.

14. Итак, в сказывании души здесь, яко пламя любви ранит её в *наиглубочайшем сердце*, оказывается, что насколько хватает субстанции, доблести и сил души, нападает на неё и ранит Дух Святой. Каковое сказывает не потому, что хочет дать понять здесь, будто стало такой субстанциальной и исполненной, как блаженное лицезрение Бога в другой жизни, ибо, хотя душа достигла в сей смертной жизни столь высокого состояния совершенства, о каком говорит здесь, не достигает и не может достигнуть состояния совершенной славы, хотя, быть может, мимоходом случается, что оказывает ей Бог подобную ми-

лость; но говорит это, чтобы дать уразуметь подобие и изобилие радости и славы, которые таким образом общения во Святом Духе ощущает. Каковая радость настолько лучше и нежнее, насколько сильнее и существеннее душа преображена и сосредоточена в Боге; что, будучи максимально достижимым в жизни сей (хотя, как говорим, не так совершенным, как в другой жизни), зовётся ею *глубочайшим сердцем*. Хотя, быть может, навык милосердия может принести душе в сей жизни такое же совершенство, как и в грядущей, но ни деятельности ея, ни плодов; хотя плод и деятельность любви возрастают в этой стадии до такого пункта, что душе мнится, яко она уже живёт *так*, почему и осмеливается говорить то, что осмелилась бы сказать только о грядой жизни, а именно: в *глубочайшем сердце* моей души.

15. И от того, что это вещи редкие и малоиспытанные, но больше суть чудесные и маловероятные, каковы те, о которых молвит нам душа в сём состоянии, не удивительно, если некоторые особы не постигли сих вещей посредством науки, не познавшие их из опыта, либо не поверят в них, либо сочтут их чрезмерными, либо решат, что они не таковы, как они суть в себе. Всем этим, однако, отвечу, что **Отец светов** (Иак. 1.17), чья рука не укорочена и изобильно вселяется без одобрения лицами куда угодно, где только находит место (подобно лучу солнца), живо является он им на путях-дорогах, не сомневается и не держит то за малость, чтобы *делить свои радости с сынами человеческими*, обща с ними *по округам земель* (Притч. 8.31). И не является чем-то невероятным, ежели на какой-либо душе уже испытанной, проверенной и очищенной в огне горестей и турдов и многообразных испытаний, и оставшейся верной в любви, исполнится то, что обещал Сын Божий, а именно: **что если кто возлюбит Его, войдёт в того Святая Троица и устроит в нём своё жилище** (Ин. 14.23); то есть божественно просветит его разум в мудрости Сына, и возрадует волю его в Духе Святе, и заключит его Отец могуче и крепко в объятия [вкусные] Его сладости.

16. И если пользуется это с некоторыми душами – так как истина есть, что пользуется, – то достойно доверия, что и то, о чём мы сказали, не остаётся кроме в таковых милостях Божиих; Ибо то, что мы сказали о такой душе, относительно деятельности Духа Свята в ней, есть много большее того, что происходит в общении и преображении любви, ибо одно подобно углям воспламенённым, а другое подобно, как мы сказали, углям целиком охваченным огнём, так что они не только воспламенены, но выбрасывают огонь живой. Итак, эти два способа единения: только любовью и воспламенением любви, суть сравнимы определённым образом с *огнём Божиим*, о котором молвит Исайя, **яко пребывает в Сионе, и печью Бога, которая в Иерусалиме** (Ис. 31.19); так что первый обозначает собой Церковь воинствующую, в которой огонь милосердия не распалён до конца, а другая обозначает *видение мира*, или [церковь] победившую, в которой огонь сей подобен печи, разожжённой в совершенстве любви. И, хотя, как сказали, эта душа не достигла такого совершенства, как та, всё же, в сравнении с прочими обычными союзами, это как печь разожжённая, с видением настолько более умиротворённым и прославленным и нежным, насколько пламя более ясно и сияюще, чем жар угля.

17. Поскольку чувствует душа, что сие живое пламя любит живо сообщает ей все блага, ибо божественная любовь несёт их с собой, то молвит: **О, пламя любви живой, что так нежно ранишь!**, и это как если бы сказала: О воспалённая любовь, ты своими любовными движениями великодушно ласково и щедро прославляешь меня, соразмерно наибольшей способности и силе моей души, то есть даёшь мне божественную интеллигенцию соответственно всей ёмкости и пространству моего разума и сообщаем мне любовь соразмерную наибольшей крепости моей воли, и радуешь меня в сущности души потоком твоей радости в твоём божественном прикосновении и единстве субстанциальном, соразмерном наибольшей чистоте моей субстанции и ёмкости и просторности моей памя-

ти! И это случается так, и больше того, что возможно и доступно сказать, во время, когда воздымается в душе это пламя любви. И поскольку душа, в части своей субстанции и потенции, памяти, разума и воли, славно очищена, то божественная субстанция, которая, как молвит Премудрость (7.24), *касается всех частей по чистоте ея*, глубоко и тонко и возвышенно вбирает её в себя своим божественным огнём в каковой поглощённости души в мудрости Дух Свят производит вибрации прославления души, которые, будучи так нежны, побуждают душу тотчас молвить:

Ибо не престаёшь уже.

18. А именно, ибо уже не удручаешь, не стесняешь, не утомляешь, как то делал раньше. Потому что следует знать, яко сие пламя Божие, когда душа, пребывает в стадии очищения духовного, которое бывает, когда она входит в созерцание, не так дружелюбно и нежно, как теперь, в состоянии единства. И чтобы объяснить, как это бывает, мы несколько задержимся.

19. Об этом следует знать, что, прежде чем этот божественный огонь любви внедрится и соединится с душой в её сущности посредством окончательного и совершенного очищения и чистоты, его пламя, которое есть Дух Свят, бывает в душе ранящим, пожирая и поглощая несовершенства её злых привычек; и это есть действие Духа Свята, в каковом, она располагается к божественному союзу и преображению в любви в Боге. Ибо следует знать, что, этот самый огонь любви, который потом единится с душой, прославляя её, есть тот, который пред тем падает на неё, очищая; точно так, как тот самый огонь, который входит в дерево, есть тот, который вначале набрасывается и уязвляет его своим пламенем, усушая его, и обнажая его ото всех уродливых акциденций, вплоть до такого приготовления его своим теплом, чтобы помочь войти в него и преобразовать в себя. Духовные же называют это путём очистительным. На каковом [пути] душа претерпевает многие ущербы и ощущает тяжкие наказания в духе (которые обыкновенно переливаются в чувство), воспринимая это пламя как весьма ускользящее. Потому что в этом расположении очищения пламя ещё не ясное, но тёмное, которое если и даёт душе некоторый свет, то только для того, чтобы видеть и чувствовать ей свои вшивоты и недостатки оно не ласково к ней, но болезненно, потому что, хотя иной раз и передаёт ей жар любви, то с мучением и утеснением; и оно не является для неё восхитительным, но — сухим, потому что, хотя иной раз, по своему благодущию дарует ей некоторый вкус, чтобы подбодрить и оживить её, до и после того, как это случается, сие сопряжено с другой тяготой; и не является сие для неё подкрепляющим и умиротворяющим, но — истощающим и успоряющим, творящим ей ослабление и боль в собственном познании; итак, не является для неё прославляющим, потому что прежде полагает её нищей и ограниченной в свете духовном, который даёт ей познание себя, *послал же Бог огонь*, как молвит Иеремия, *в кости ея, и научил ея* (Плач. 1.13), и, как молвит также Давид, *испытал ея в огне* (Пс 16.3).

20. Итак, в эту пору претерпевает душа в части разумения великие мраки, в части воли великие сухоты и утеснения, а в памяти тяжкое сознание своих вшивот, поскольку духовное око бывает зело ясным в познании себя; а в субстанции души претерпевает беззащитность и общую бедность, сухость и холод, а временами теплоту, не находя ни в чём облегчения, ни мысли, которая доставила бы ей утешения, ни даже может возвысить сердце своё к Богу, имея вместо этого пламя, так ускользяще, как молвил Иов, яко поступал с ним Бог, говоря: *Пременился Ты ко мне в жестокого* (Иов. 30.21); ибо, когда все эти вещи разом претерпевает душа, поистине кажется ей, яко Бог сделался жестоким противу нея и суровым.

21. Невозможно преувеличить переживаемое душой в такое время, так как это немногим меньшее, чем чистилище. И не умею дать уразуметь эту нелюдимость, сколько

её есть, не то, докуда доходит переживаемое и чувствуемое душой, кроме как с помощью того, что молвит подходяще к случаю Иеремия в следующих словах: *Аз, муж, увидевший нищету ту свою в жезле негодования его; грозившего мне и перенёсшего меня во мраки, а не к свету: так обернулось и превратилось десница Его противу меня соделал дряхлой кожу мою и плоть и [раздробил] мои кости; оградил вокруг меня и обложил меня желчью и тяготою; в темницах поместил меня, как вечно мёртвых; воздвиг вокруг меня и через то не выйду;отяготил оковы мои; и сверх этого, когда взывал и молил, изгнал молитву мою; преградил пути мои камнями квадратными и спутал шаги мои и тропы мои (Плач. 3.1-9).* Всё это сказал Иеремия и продолжал там говорить много больше. И поскольку таким способом Бог лечил и оздоравливал душу во множестве белестей, чтобы даровать ей здоровье, поневоле должна душа страдать соответственно своему нездоровью в таковом очищении и лечении; ибо здесь *полагает Он сердце её на угли раскалённые, чтобы выпутались и изгнались из него все роды бесов* (Тов. 6.8); итак, здесь выводятся на свет все её болезни, полагаются в излечение и пред очи ея, до ошутит их.

22. А слабости и вшивоты, которые раньше устоялись в душе и сокрылись в ней, каковых до того она не видела и не ощущала, теперь со светом и жаром божественного огня уже видит их и чувствует; точно так, как влага, имеющаяся в дереве, не познаётся до тех пор, пока не помещено оно в огонь и не начинает потеть, дымить и сопротивляться; и так находит душа себя не совершенной вблизи этого пламени. Потому что – о, вещь удивительная! – поднимаются в душе в сию пору противности против противностей: те, что от души против тех, что от Бога, которые бодают душу; и, как говорят философы, одни сверкают вблизи других и творят войну в субъекте души, так что одни стремятся изгнать других, чтобы царить им в душе, а именно, доблести и характеры Бога, предельно совершенные, против навыков и характеров субъекта души, предельно несовершенных, так что душа претерпевает в себе эти две противности. Потому как это пламя, будучи наисветлым светом падая в душу, высвечивает темноты ея, которые, в свою очередь, суть найтемнейшие, и тогда душа чувствует свои темноты природные и порочные, которые полагаются против сверхъестественного света и она не чувствует света сверхъестественного, потому что не имеет его в себе как свои темноты, которые имеет в себе, и *мраки не объяли света* (Ин. 1.5). Итак, эти свои мраки [они] ощущают в то время, как на них падает свет, потому что не могут души видеть свои мраки, если не падает а них божественный свет, плоть до того, что изрыгнувши свет, душа остаётся освещённой и видит свет в себе преображённой, получив очищенное и укрепленное божественным светом духовное око. Ибо безмерен свет в зрении нечистом и слабом, сплошным мраком бывает для него, [выдающаяся] укрепляя чувствительность потенции; и так бывает это пламя ускользающим в умном зрении.

23. И оттого что это пламя в себе есть предельно любящее и нежное, и любовно атакует волю, а воля в себе предельно суха и черства, а чёрствость ощущается в близи нежности, и сухость в близи любви, то когда сие пламя, любовное и нежное, атакует волю, она чувствует свою естественную чёрствость и сухость для Бога; и не ощущает любви и нежности огня, будучи предохранённой от этого чёрствостью и сухостью, которые не содержат своих противоположностей, нежности и любви, вплоть до того, что только по их изгнании из души, воцаряется в воле любовь и нежность Божии. Таким вот образом бывает это ускользающее пламя к воле, заставляя её чувствовать и переживать свои чёрствость и сухость. И, не больше, ни меньше, оттого что это пламя обширно и безмерно, а воля тесная и узкая, воля чувствует свою тесноту и узость в то время как пламя атакует её, вплоть до того, что даруемое ей оно расширяет и растягивает её до своего объёма. И так же потому, что это пламя вкусно и сладко а нёбо воли духовно воли расстроено гуморами беспорядочных страстей, бывает для неё безвкусным и горьким, и не способно она вку-

шать сладкую пищу любви Божией. И таким образом также чувствует воля свои тесноту и безвкусие вблизи этого обширнейшего и вкуснейшего огня и не ощущает вкуса его; поскольку не ощущает его себе, а только то, что имеется у неё, а это её нищета. И, наконец, потому что это пламя безмерно богатое, доброе и радующее, а душа со своей стороны есть беднейшее и не имеет никакого блага, ни того, что её бы удовлетворило, знает и ощущает ясно свои вшивость и бедность, и злобность вблизи этих богатства, и доброты, и радования, и не познаёт богатства, доброты и усладительности пламени, потому что злобность не обнимает доброты, ни бедность богатства, и т.д., до тех пор пока сие пламя не закончит очищения души и не обогатит и прославит и возрадует её через преобразование. Таким-то вот образом бывает это пламя прежде ускользающим для души, касательно того, о чём можно рассказать: борением в ней одних противностей против других: Бога, который суть все совершенства, против всех привычек несовершенных ея, для того, чтобы преобразивши её в себе, умягчить её, и умиротворить и прояснить, как творит то огонь с деревом, когда входит в него.

24. Это очищение не во многих душах проходит с такой силой: только в тех, которых Господь желает поднять на более высокую ступень единения [с Собой], ибо каждую подвергает более или менее крепкой чистке, в зависимости от ступени, на которую хочет поднять, и также соответственно нечистоте и несовершенству её. И так сия боль кажется им [душам] чистилищем, потому что точно так, как *там* очищаются духи, чтобы смочь узреть Бога ясным видением в другой жизни, так, тем же способом, *здесь* очищаются души, чтобы смочь преобразить в Него посредством любви в сей [жизни].

25. Что же до интенсивности [этого] очищения, и каково оно при большей, а каково при меньшей [интенсивности], и когда оно [вершиться] относительно разума и когда относительно воли, и как в части памяти, а также когда и как относительно субстанции души, а так же когда всё разом и до всего, и очищение части чувственной и как распознаётся, когда имеем дело с одним, а когда с другим, и в какую пору, в каком времени и месте начинается духовный путь, - об этом не говорю, потому что мы обсудили это в *Ночи тёмной восхождения на гору Кармель*, и теперь не является нашей целью. Теперь довольно знать, что этот самый Бог хочет войти в душу для единения и преобразования любовью, есть тот, который пред тем атакует её и очищает с помощью света и жара своего божественного огня, точно так, как этот же самый огонь, который входит в дерево, есть тот, который его приготавливает, как мы перед тем сказали; итак, теперь он нежен к ней, [брошенный в неё], тот самый, который прежде был ускользающим, стал вброшенным в неё.

26. И это есть то, что хочет дать понять душа, когда говорит в первом стихе: ***Ибо не ускользаешь уже***, что в итоге есть то же самое как если бы сказала: Ибо уже не только бываешь тёмным для меня как раньше, потому что есть божественный свет моего разума, который смог уже отразить тебе; и не только не увеличиваешь мою слабость, но скорее являешься силой моей воли, с которой могу любить тебя и веселиться, будучи полностью преобразенным в божественную любовь: и не являешься уже тяжестью и стеснением для субстанции моей души, но скорее есть слава и радость, и простор ея, отчего теперь можно сказать то, что поётся в божественных песнях, говоря: ***Кто это восходит от пустыни, изобильный уладами, опираясь на своего Возлюбленного, там и сям источая любовь?*** (8.5). Потому что это так и есть,

Кончи уже, если хочешь.

27. То есть: кончи уже совершать со мною в совершенстве брачевание духовное твоим блаженным лицезрением; ибо этого просит душа. Потому что, хотя истина есть, что

в сём состоянии так высока душа и настолько более сообразна и удовольствована, насколько большим сопутствуема преображением любви, и для себя никакой вещи не знает и не стремится просить, но [всё] только для своего Возлюбленного – ибо *милосердие*, как говорит Св. Павел (1Кор. 13.5), *не ищет для себя*, но – для возлюбленного, - оттого, между тем, жива надежда, в которой не может она не ощущать пустоты, и издаёт столько стонов (хотя нежных и утончённых), сколько не хватает ей имения для окончательного установления Богу, каковое имеют сыны Божии, в котором исполнившись славы, завершила бы своё искание; а оно, хотя здесь наибольшее единство имеет с Богом, *никогда не насытится и не успокоится, пока Он не явит славу свою* (Пс. 16.15), имея уже в главном вкус и лакомство таковой, которые здесь имеются; и она такова, что если бы Бог не благодетельствовал здесь плоти, защищая природу своей десницей – как сотворил то Моисею в скале, чтобы тот не умерев, смог узреть славу Его (Исх. 33.22), - каждая вспышка которой разламывает натуру и мертвит её, ибо не имеет часть подлежащая сосуда для при-терпевания толикой и так возвышенной пламенности славы.

28. И через то сия жажда и прощение ея не бывает здесь с болью, так как не способ-на здесь душа иметь её; но – с желанием нежным и усладительным, вопрошающий в сообразности с её духом и чувством; отчего и молвит в стихе: *кончи уже если хочешь*, потому что воля и желание соделаны так едиными с Богом, что славой своей почитает исполнение всего, чего Бог хочет. Однако, таковы суть эти быстрые откровения любви и славы, что в сих касаниях просвечивают остающимися у врат души, а не заключёнными в ней из-за тесноты земного Дома, так что скорее было бы недостатчей любви не прости хода в таковое совершенство и исполненность любви. Ибо, кроме этого, видит [там] душа, яко, в таковой силе сладостного общения с Супругом побуждаема и приглашаема она Духом Святым посредством сей безмерной славы, полагаемой перед очами ея чудными сторонами и нежными аффектами говорящим к духу ея то, что в Песнях говорит супруге, с которой она соотносится, молвя: *Возлюбленный мой начал говорить мне: встань возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот, зима уже прошла: дождь миновал, перестал: цветы показались на земле: время пения настало, и голос горлицы слышен в зеле нашей: смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, износят благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Голубица моя в расселине скалы, под кровом утёса; покажи мне лицо твоё, дай мне услышать голос твой, потому что голос сладок и лице твоё приятно* (2.10-14). Все эти вещи ощущает душа и разумеет их отчётливейшим образом в возвышенном чувстве славы, которую являет ей Дух Свят в том нежном и ласкающем пламени, с жаждою, да войти ей в таковую славу. И через то она здесь, побуждаемая Им, отвечает здесь так, говоря: *кочи же если хочешь*; в чём доносит Супругу известные две просьбы (моления), которым научил Он нас в Евангелии, а именно: *Да придёт царствие Твое; да будет воля Твоя* (Мтф. 6.10). И это как если бы сказал: *Кончи*, то есть даруй мне сие царство; *если хочешь*, то есть согласно с Твоей волей.

29. И для того чтобы было так,

рви ткань этой сладкой встречей;

каковая ткань есть та, что препятствует столь великому делу, ибо легко достичь Бога, оставивши препятствия и разорвавши ткань, которая внутри души разделяет Бога и [дух ея]. Тканей, которые могут препятствовать сказанному единению и которые должны быть разорваны, для того чтобы Бог совершенно овладел душой и она соделалась бы божественной, суть, можно сказать, три, а именно: временная, которой охватываются все творения; естественная, которой охватываются деятельности и наклонности чисто естественные; третья, чувственная, которой охватывается единственно союз души с телом, что есть жизнь чувственная и животная, о коей молвит Св. Павел: *Знаем, что ежели этот наш земной дом рассыпается, имеем обитель от Бога на небесах* (2Кор. 5.1). Первые

две завесы должны быть разорваны ради достижения сего имени единства с Богом, в котором все вещи мира суть никчемны и отреченны, а все вожелания и возбуждения естественные умерщвлены, и деятельности естественные души уже соделались божественными. Всё это разрывается и творится в душе посредством скользящих вторжений сего пламени, когда оно ещё является ускользящим; потому что в очищении духовном, о котором сказали выше, завершает душа разрывать эти завесы. И оттуда идёт к единению с Богом, в котором теперь пребывает, и не остаётся для разрешения ничего больше, кроме третьей ткани жизни чувственной. И поэтому говорит здесь *ткань*, а не *ткани*; потому что нечего больше разрывать, каковая [ткань], будучи уже столь изящной утончённой и одухотворённой этим созом с Богом, не противостоит пламени так сурово, как делали это другие две, но – вкусно и усладительно. Так что поэтому называет [сие вторжение] *сладкой встречей*, которая тем слаще и вкуснее, чем более кажется душе, яко рвётся ткань её жизни.

30. Откуда следует знать, что смерть естественная душ, которые достигли этого состояния, хотя условие их смерти, поскольку она естественная, подобно прочим, однако в причине и способе смерти имеется большое различие, потому что, если другие умирают смертью, вызванной болезнью или долгой дней, эти, хотя и в болезни умирают и в полноте возраста, у них не вырывается душа иначе, как некоторым натиском и вторжением любви, много более возвышенным, чем бывшие до того, и более мощным и действенным, ибо способен порвать ткань и унести сокровище души.

Итак, смерть подобных душ более нежна и более усладительна, тем более, что они всю свою жизнь вели жизнь духовную; потому как умирают со много более горним порывом и столкновениями вкусными любви, чувствуя себя подобно лебедю, который поёт более нежно, когда умирает. Яко через то сказал Давид, яко *драгоценна смерть святых в почитании Бога* (Пс. 115.15), ибо здесь сходятся в одно и единятся все богатства души, и там впадают реки любви души в море, которые там так широки и запружены, что кажутся уже морем; собравши уже первое и последнее из своих сокровищ, чтобы сопровождать справедливого, который отправляется за царством своим, слыша уже хвалы от концов земли, которые, как молвит Исайя, *суть слава справедливого* (24.16).

31. Ощущает, стало быть, душа в пору этих славных столкновений себя столь близкой к исходу и овладению окончательному и совершенному царством своим, в обилиях, которыми видит себя обогащённой – ибо здесь знает себя чистой и богатой, и потому доблестей и расположенной к тому, так как в сём состоянии позволяет Бог душе видеть свою красоту и вверяет ей дары и доблести, которые ей даровал, потому что всё обратилось ей в любовь и хвалы, без примеси надменности или суеты, не имея уже закваски несовершенства, которая портит тесто, - и поскольку видит, что лишь малого не достаёт ей, чтобы разорвать сию слабую ткань жизни природной в которую чувствует себя закутанной, схваченной в свободе, *с желанием видеть себя растворённым и со Христом* (Фил. 1.23) сожалеючи, что жизнь такая низкая и слабая препятствует такой высокой и сильной, молит о разрывании её, говоря:

рви ткань этой сладкой встречей

32. А зовёт её тканью из-за трёх вещей. *Во-первых*, из-за связки между духом и плотью. *Во-вторых*, потому что разделяет душу и Бога. *В-третьих*, потому, что так как ткань не столь толста и плотна, чтобы не пропускать сквозь себя свет, в этом состоянии сказанная связь представляется такой тонкой, что будучи уже много одухотворённой и освещённой, и утончённой, позволяет Божественности просвечивать сквозь неё. И поскольку душа чувствует силу другой жизни, то обращает внимания на слабость этой, и кажется она ей весьма тонкой тканью, и даже паутиною, как назвал её Давид, говоря: *Лета наши мнутся подобными паутине* (Пс. 89.9); и ещё много тоньше перед душой так возвеличенной, потому как, будучи помещённой в чувство Бога, чувствует вещи подобно

Богу, пред лицом которого, как также молвит Давид, *тысяча лет суть подобно дню вчерашнему, который прошёл* (Пс. 8.4), и согласно Исайе *все народы суть как бы не были вовсе* (40.17). И такой же размер имеют в глазах души, для которой все вещи суть ничто, и сама она в глазах своих есть ничто. Единственно Бог для неё есть всё.

33. Должно, однако здесь попросить: по какой причине просит здесь душа скорее, чтобы *разорвал* ткань, чем чтобы *разрезал* или чтобы *износил*, ибо ведь всё это представляется одним и тем же? Можем сказать, что по *четырёх* причинам. *Первая* есть более ответственное выражение; потому что более свойственно при столкновении порвать [завесу] нежели разрезать или износить. *Вторая*, потому что любовь неразлучна с силой любви и её касание сильно и импульсивно, так что действие её скорее в разрывании, нежели разрезании или износе. *Третья*, потому что любовь хочет, чтобы действие было кратким, так что заканчивается весьма скоро, и заключает в себе настолько же больше силы и ценности, насколько более быстро и духовно, так как способность, собранная воедино, более сильна, чем рассеянная; и внедряется любовь подобно форме в материю, которая внедряется в единый миг, и до этого момента нет действия, но только расположение к нему. Итак, акты духовные, как бы мгновенно творятся в душе, потому что суть влияние Бога; всё же прочее, что душа от себя творит, скорее может называться расположением желаний и аффектов последовательных, которые никогда не достигнут осуществления в действиях совершенных любви или созерцания, но только иногда (как говорю) Бог оформляет их в духе. Отчего и сказал Мудрец, что *конец молитвы лучше, чем начало* (Эккл. 7,9), и как обычно говорится, яко молитва краткая проникает небеса. Откуда душа, которая уже расположена, может в краткое время творить акты большие в числе и более интенсивные, нежели нерасположенная во многое время, и дальше, благодаря великой предрасположенности, которую имеет, обычно большее время остаётся в акте любви или созерцания; а у той, которая не расположена всё идёт на приготовление духа, но даже и после такового огонь всё же не спешит войти в дерево, либо из-за большой влажности его, либо из-за малого жара, либо по тому и другому разом; в душу же приуготовленную действие любви проникает моментально, потому что искра касанием зажигает сухой трут. Итак, влюблённая душа предпочитает краткость *разрывания* пространности *разрезания* и *ветшания*. *Четвёртая* [причина] в том, чтобы быстрее закончилась ткань жизни, потому что отрезание и завершение проводятся с большим согласованием [с вещью], так как при этом надеются, что вещь уже созрела или припела, или пришла к какому-то иному завершению, а разрывание не ожидает, когда окажется зрелость, и ничего такого.

34. И того хочет душа влюблённая, чтобы не претерпевать ей проволочек, ожидая, когда естественно закончится жизнь её или пресечётся в такое-то и такое-то время; потому что сила любви и расположение, которое в себе видит, побуждают её хотеть и просить чтобы тотчас прервалась жизнь неким столкновением или порывом сверхъестественный любви. Зело добре ведает здесь душа, что в характере Бога уносить с Собой до времени души, которые любят много, усовершенствовав в них за краткое время, посредством такой любви, то, что они своим обычным путём смогли бы стяжать на всём протяжении [своего срока]. Ибо как раз об этом молвит Мудрец: *Как благоугодивший Богу, он возлюблен а, как живший среди грешников, преставлен, восхищен, чтобы злота не изменила разума его, или коварство не прельстило души его. Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета; ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил Он из среды нечестия*, и т.д. (Прем. 4, 10-14). Весьма к месту здесь эти слова Мудреца, из которых видно с какой точностью и основательностью употребляет душа слово *рвать*; потому что в приведенном речении использует Дух Свят эти два термина: *восхитить* и *ускорить*, которые чужды всякому промедлению. Тем, что Бог говорит: "ускорил", даётся понять та поспешность, с каковой

усовершенствуюсь в краткое время любовью праведника; словом же "восхищен" даётся понять взятие его до срока естественного. Поэтому великое есть дело для души [вершать] в сей жизни акты любви, ибо завершившись за время краткое, не медлит много здесь иди там без лицецерия Бога.

35. Можем видеть теперь также, почему в отношении этого нападения внутреннего Духа избирает душа слово *столкновение*, вместо какого-либо другого имени. А причиной сему то, что душа, чувствуя в Боге бесконечную жажду (как мы сказали) к прекращению жизни, и что это не происходит, так как не пришла ещё в пору совершенства, обращает внимание на то, что [Бог] ради потребления и вознесения её из плоти творит в ней эти божественные и славные нападения на манер столкновений, которые, так как имеют целью очистить её и извлечь из плоти, действительно суть столкновения, которыми, постоянно проникаясь, обожествляется субстанция души, делая её божественной, в каковом деянии [Бога] поглощается душа во всём её бытии Бытием Бога. И причиной сему то, что толкает её Бог и живо проходит сквозь неё в Духе Святом, чьи общения [суть] импульсивны, когда суть пламенны каковым и является сие столкновение. Которое, поскольку душа вживе вкушает Бога, зовёт *сладким*, не потоку что многие другие касания и столкновения, которые получает в этом состоянии» престаи быть сладкими, но из-за превосходства, которое имеет над всеми прочный; ибо сие творит Бог (как *мы* сказали) о целью развязать её я прославить скоро. Откуда окрыляется она, для того чтобы изречь; *Рви ткань* и т.д.

36. Подытоживая теперь, стало быть, всю песню, [можем понимать её так], как если бы [душа] сказала: О, пламя Духа Свята, что так тайно и нежно проникаешь субстанцию моей души и прижигаешь ее Твоим славным пылом!, ибо стало уже столь дружелюбным ко мне, что открываешься с жаждою отдать себя мне в жизни вечной; если ранее мои просьбу не достигали твоих ушей, когда о томлениях и страданиях любви, в котором терзались мои чувства и дух из-за многотой слабости и нечистоты моей я малой силы моей любви, просил Тебя, чтобы отвязал меня и вознёс с Собой, ибо с желанием возжелала Тебя душа моя, потому что нетерпеливая любовь не позволила мне настолько сообразоваться с условиями жизни, которою ты [хочешь], чтобы ещё жила» и если прошлые импульсы любви не были достаточными, потому что не обладали нужным качеством для достижения сего, теперь пребываю так укреплённой в любви, что мои дух и чувство не только не слабеют в Тебе, но скорее усилились Тобой, так что *сердце моё и плоть моя радуются в Боге живом* (Пс. 83,2), в великом согласии сторон, так что прошу то, что Ты хочешь, чтобы просила, а того, чего Ты не хочешь, не хочу, и даже на ум мне того не приходит; и раз уж мои просьбы пред очами Твоими суть более значительны и ценны, поскольку исходят от Тебя, и Ты меня подвигаешь к ним, то со сладостью и радостью в Духе Святе прошу тебя, *да изыдет уже суд мне от липа Твоего* (Пс.16,2), то есть, когда слушаешь мольбы и оцениваешь их. рви ткань тонкую сей жизни и не позволяй ей достигнуть того, чтобы возраст и лета естественно обрезали бы её, чтобы могла я уже с этой минуты любить Тебя с полнотою и насытием, которых хочет душа моя, без конца и предела.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

*О, нежное прижигание!
О, язва приятная!*

***О, тонкое касание, о длань мягкая,
что о жизни предвечной знает
и все долги возмещает!
Убивая, смерть в жизнь пременяет.***

ОБЪЯСНЕНИЕ

1. В сей песни даёт уразуметь душа, как три лица Святой Троицы, Отец и Сын и Дух Свят, суть те, кто творят в ней эту божественную работу единения. Так, длань и прижигание, и касание суть одна и та же вещь, в сущности; а получили эти имена, потому что [действие], которое оказывает каждое, соответствует им. Прижигание есть Дух Свят, длань - Отец, а касание - Сын. И так возносится здесь душа ко Отцу, Сыну и Духу Святу, восхваляя три великие милости и блага, кои в ней сотворяют, пременяя смерть её в жизнь, преображая в себя. *Первая* [милость] есть язва *приятная*, и относится к Духу Святу, и через то зовётся *прижигание*. *Вторая* есть *вкус жизни вечной* и относится к Сыну, и через то зовётся *тонким касанием*. *Третья* есть *преображение* в себя, кое есть родство, которым добре искуплена душа, и относится к Отцу, и через то зовётся *длань мягкая*. И хотя имена здесь числом три, по причине особенностей [действий], только о едином молвит, говоря: *в жизнь её пременяешь*, потому что все они работают заодно, и так всё сие приписывается одному, и всё - всем. Следует стих:

О, нежное прижигание!

2. Сие прижигание, как мы сказали, есть здесь Дух Свят, потому что, как сказал Моисей во Второзаконии, наш ***Господь Бог есть огонь поядающий*** (4, 24), а именно, огонь любви; каковой, поскольку становится силой беспредельной, способен неопределимо потребить и преобразить в себя душу, которой касается. Однако, каждую охватывает и вбирает так, как находит её расположенной: одну больше, а другую меньше; и это насколько Он хочет, и как и когда хочет. И, как Он становится бесконечным огнём любви, когда хочет коснуться души несколько теснее, пыл столь высокой ступени любви таков, что кажется ей жарче все жаров мира. Так что в этой связи называет она Дух Свят *прижиганием*, потому как в прижигании огонь более интенсивен и яростен, и творит большее действие, нежели в прочих воспламенениях, таким образом акт этого единения есть большее воспламенение огня любовного, чем все другие; и через то, относительно их, зовётся *прижиганием*. И поскольку сей божественный огонь, в данном случае, преображает душу в себя, она не только ощущает прижигание, но вся она становится жжением яростного огня.

3. И есть вещь удивительная и достойная повествования, что этот огонь Божий, будучи таким яростным потребителем, что с великой лёгкостью потребил бы тысячу миров, как огонь здешний сжигает один стебель льна, не потребляет и не кончает души, в которой пылает таким образом, ни даже причиняет ей какую-либо скорбь, но скорее, посредством силы любви, обожает и восхищает её, опалая и раскаляя её нежнейше. И так есть благодаря чистоте и совершенству духа, с которым рдеет в Духе Святе, как то случилось в Деяниях Апостолов (2,3), где огонь сей, пришедши с великой яростию, опалил учеников, каковые, как молвит Святой Григорий, ***внутренне рдели в любви нежно. И это же даёт уразуметь Церковь, когда говорит, с тем же умыслом: Сошёл огонь с неба, не пополающий, но блистающий; не потребляющий, но просвещающий***. Потому что в этих общениях, так как целью Бога является вознести душу, Он не утомляет и не

стесняет её, но расширяет и радует; ни темнит её, ни покрывает золой, как то огонь делает с углём, но просветляет и обогащает; так что поэтому говорит она о *жжении нежном*.

4. Итак, счастливая душа, которая по великому везению в этом жжении достигает всякого знания, всякого удовольствия, всего, что хочет сделать и в чём преуспеть, и никто не преобладает над нею, ничто её не трогает. Потому что о такой душе молвит Апостол:

Дух судит обо всём, и никем не судим, и т.д. (I Кор. 2,15). Дух всё выслеживает, вплоть до глубин Божиих (там же, 2, 10). Ибо такова особенность любви: исследовать всё благое Возлюбленного.

5. О, велика слава ваша, души, яко удостоились достичь сего высочайшего огня, в котором, - ибо обладает беспредельной силой, чтобы потребить вас и уничтожить вас (наверняка), хотя не потребляет вас, - безмерно завершает вас во славе! Не тому дивитесь, что Бог приводит некоторые души на такую высоту - так как солнце выделяется тем, что творит дела чудные, - которое трикратно посылает горы, как говорит Дух Свят, то есть святых (Сир. 43,4). Чувствуя, стало быть, сие жжение таким нежным, как здесь даётся понять, и столь приятным, мы верим, что душа, тронутая им, желая сказать о сём, не говорит, но останавливается с оцениванием в сердце и восхвалением на устах на этом выражении, говоря:

О, язва приятная!

6. Сказавши о *прижигании*, душа теперь говорит о язве, которую причиняет сие прижигание. И, поскольку прижигание было нежным, согласно сказанному, язва. разумеется, должна соответствовать прижиганию; итак, язва от прижигания нежного будет *язвой приятной*, ибо ощущая жжение любви, душа ожидает и язвы любви нежной, и такой она и будет: усладительно нежной.

7. И чтобы дать понять, какова есть та язва, о которой душа здесь говорит, следует знать, что жжение огня вещественного в части седалищной всегда причиняет язву, и имеет ту особенность, что ежели прилагается к язве, которая получена не от огня, делает её как от огня. И таково это прижигание любовью, что душа, которой оно коснётся, будь она уязвлена иными язвами вшивот и грехов, будь она здрава, тотчас делается уязвлённой любовью; и уже те [язвы], которые произошли от иных причин, делаются язвами любви. Но имеется, впрочем, отличие сего любовного прижигания от вещественного огня: яко язва, которую причиняет, не может исцелиться, если не приложить других лекарств, язва же от жжения любовного не может быть излечена внешней медициной, но только то самое прижигание, которое сию язву сотворило, лечит её, и то самое, которое лечит, когда лечит, причиняет её; потому что всякий раз, когда прижигание любви касается язвы любовной, оно увеличивает сию язву, и таким образом лечит и целит тем больше, чем сильнее уязвляет; потому что любовник, чем больше уязвляется, тем более здоров, а лечение, кое прилагает любовь, есть язвить и ранить [тело] уязвлённое, вплоть до того, что язва становится

столь великой, что вся душа претворяется в одну сплошную язву любви. И так, будучи уже вся прижжена и претворена в единую язву любви, становится вся здоровой в любви, потому что преобразилась в любовь.

Таким-то образом язва, о которой молвит здесь душа, вся воспалена и вся здорова. [И потому, хотя стала вся воспалена и вся здорова], прижигание любовное не исполняет своей должности, которая в том, чтобы трогать и ранить любовью, поскольку всё уже изъязвлено и всё здорово, эффект, который производит, есть щекотание язвы, как обычно делает доброе лекарство, потому верно говорит здесь душа: *О, язва приятная!* О, стало быть, язва настолько более приятная, насколько более высок и возвышен огонь любви, который её причиняет, потому что, будучи сотворена Духом Святым исключительно с целью усладить [душу], и как желание его и волн к лелеянию души велика есть, велика же будет и сия язва, ибо величественно будет возлелеяна!

8. О, язва счастливая!, сотворённая Тем, Кто не умеет иного, кроме исцеления! О, благо поспешная и много счастливая язва. ибо не сотворена для иного, чем ласка, и качество твоей болезни есть ласка и радость души уязвлённой! Велика еси, о, сладчайшая язва, ибо велик есть Тот, кто сотворил тебя!, и велика твоя ласка, ибо беспределен есть огонь любви, к тому чтобы ласкать тебя соответственно твоей способности и величину. О, приятная, стало быть, язва, и настолько более возвышенно приятна, насколько более в бесконечном центре субстанции души касается её прижигание, попадая всё то, что может быть опалено! Можем уразуметь, что сие прижигание и сия язва бывают на самой высокой ступени [духовного совершенства], которая только может быть в сём бывании. Потому что у Бога имеется множество других способов, чтобы жечь душу, которые не достигают сказанного, ни суть ему подобны, потому что это есть касание исключительно только Божественности в душе, без какой-либо умопостигаемой или воображаемой формы или фигуры.

9. Однако другой способ прижигания души, сопряжённый с умопостигаемой формой, обычно [тоже] весьма возвышен и осуществляется следующим образом: случается, что душа, будучи воспламенённой в любви Божией, как мы здесь сказали, хотя и не в таком качестве (но довольно подготовлена для того, о чём здесь хочу сказать), чувствует, яко атакует её некий серафим со стрелой или дротиком, возожжённым в огне любви, переносимом на эту душу, которая уже возожжена, словно угли, или, лучше сказать, как пламя, и прижигает её возвышенно; и [тогда] этим прижиганием, принесённым некоей стрелой, замыкается пламя души и разгорается яростно до крайности, подобно разожжённой печи или кузнечному горну, когда шевелят или опрокидывают угли и разъяряют пламя; и тогда, рана, нанесённая этим горящим дротиком, приводит к тому, что язва души ощущается ею, как крайне сладостная, потому что, помимо того, что вся она перемещена в вели-

кой нежности к опрокидыванию и порывистому движению, причинённому этим серафимом, в котором ощущает великий жар и пыл любовный, чувствует рану смертную и траву, с которой закалено было железо, как некий живой центр в субстанции души, как в сердце души, переправленной [на другой берег].

10. И в этом интимном центре раны, которая мнится нанесённой в средину сердца духа, в котором ощущается предельное наслаждение, кто сможет говорить, как подобает? Ибо чувствует душа там как единое зерно горчишное, весьма малое, живейшее и пламеннейшее, которое посылает вокруг себя живой и воспламеняющий огонь любви. Каковой огонь, рождённый субстанцией и доблестью сего живого центра, где пребывает субстанция и доблесть травы, ощущается внедрённым тонко всеми духовными и субстанциальными жилами души, согласно её потенции и силе, в котором чувствует она выздоровление и возрастание пыла, и в пыле этом так возбуждается любовь, что мнится, яко в ней моря огня любовного, достигающего верха и низа махины [космоса], наполняющего всё любовью. В каковом кажется душе, будто вся Вселенная есть единое море любви, в которое она погружена, не имеющее ни конца, ни края, где заканчивалась бы сия любовь, ощущая в себе, как мы сказали, живой центр и средоточие любви.

11. И немного можно сказать о том, чему радуется здесь душа, кроме того, что чувствует там, [насколько] хорошо сравнивается в Евангелии Царство небесное с зерном горчишным, которое из-за великого своего жара, хотя так мало, вырастает в дерево великое (Мт. 13,31); стало быть, душа видит себя сотворённой в подобие безмерного огня любви, который рождает этот возожжённый центр сердца духовного .

12. Немногие души достигают подобного; но некоторые достигли, главным образом такие, чьи доблесть и дух разливались в раду сынов их, ибо одаривает Бог богатством и мужеством первенцев духа, соответственно большему или меньшему наследству, которое имеют они в Его учении и духе.

13. Воротимся, однако, к той работе, которую творит помянутый серафим, что действительно язвит и ранит дух внутренне. Итак, ежели иной раз позволяет Бог, чтобы вышли наружу, на тело чувственное, некоторые [воздействия], того же вида, что ранят внутри. то выходят раны и язвы наружу, как случилось, когда серафим ранил Святого Франциска; так что уязвил его душу пятью язвами, также вышло действие их, подобным образом, на тело, отпечатавши их также в теле, уязвив его так, как была уязвлена любовью его душа. Ибо Бог, обыкновенно, никакой милости не вторит телу, если прежде и вначале не оказал её душе; и тогда, насколько больше есть радость и сила любви, которая причиняет язву во внутреннем души, настолько больше выявляется она вовне, в язве тела; и, при возрастании одной, растёт и другая. Каковое случается так оттого, что коль скоро эти души очищены и положены в Боге, служащее причиной скорби и терзаний их испорченной плоти, в духе сильном и здоровом сладко и вкусно. Итак, не чудная ли вещь - ощущать возрастание скорби во вкусе? Каковое чудо добре заметил Иов в язвах своих, когда говорил Богу: *Оборотись ко мне, чудесно мучаешь меня* (10,16). Потому как

велико чудо сие и вещь достойная изобилия нежности **и сладости, которые, укрывает Бог для боящихся Его** (Пс. 30,20), радовать настолько большей сладостью и вкусом, насколько больше скорби и мучения ощущается. Однако, когда Он уязвляет единственно в душе, без того, чтобы язвы обнаруживались вовне, наслаждение может быть более интенсивным и более возвышенным; потому что, как плоть взнуздывает дух, когда блага духовные сообщаются также и ей, она натягивает поводья и сдерживает губы того лёгкого жеребца духа и гасит его мощный напор, потому что если он приложит всю свою силу, поводья порвутся. Но до того, как они порвутся, он не перестаёт быть угнетённым в его свободе, как говорит то Мудрец, **плоть испорченная отягощает душу, и земное обиталище угнетает чувство духовное, которое заключает в себе многие вещи** (Прем. 9. 15).

14. Говорю это для того, чтобы поняли, яко тот, кто всегда желает идти опираясь на привычку и речь естественную, ради приближения к Богу, не будет слишком духовным. Потому что есть много таких, кто думают, яко на чистой силе и действии чувства – которое само по себе низко и не более, чем природно – смогут прийти к силам и высоте духа сверхъестественного. Не достигнут сего, без того чтобы утопить чувство телесное и оставить его опрочь. Другое, однако, дело, когда от духа происходят действия духовные в чувстве, потому что, коли так случается, то скорее от многого духа, как дадено уразуметь сие в том, что мы сказали о язвах, яко силою внутреннюю выходят наружу; и как у Святого Павла, у которого от великого сострадания, которое имел к скорбям Христовым, чувство перелилось в тело, соответственно даваемому понять в Послании к Галатам, где говорит: **Аз в теле моём несу раны Господа моего Иисуса** (6.17).

15. О прижигании и язве сказано довольно. Знаючи их таким, как оне описаны здесь, какова, верим, должна быть рука, которая причиняет сие прижигание? и каково её касание? Душа демонстрирует это в следующем стихе, более восхваляющем, чем проясняющем это, говоря:

**О тонкое касание,
о длань мягкая!**

16. Каковая рука (или длань), согласно сказанному нами, принадлежит сострадательному и всемогущему Отцу. О которой разумеем, яко, стало быть так великодушна и щедра, поскольку могущественна и богата, богата и владычно обогащает душу, когда раскрывается, чтобы сотворить милость. Итак, называет её **дланью мягкой**, что есть как если бы сказала: О длань, настолько много мягкая для моей души, что касаешься, снисходя, нежно, насколько когда осаждаешься некоей тяжестью, погружаешь весь мир, ибо **от единого твоего взгляда сотрясается земля** (Пс 103, 32), **падают языки и крошатся горы** (Авв.3,6)! О, ещё раз, стало быть, великая длань, ибо так как была длительной и суровой для Иова (19,21), касаясь его чуточку шершаво, для меня так много дружелюбная и нежная, которая для него была долгой, насколько много дружелюбнее и изящнее, и степенно нежно касаешься души моей!, потому что **ты причиняешь смерть и**

живишь меня, и нет уклонившегося от руки твоей (Втор. 32,39). Но ты, о божественная жизнь!, никогда не убиваешь, иначе как для того, чтобы даровать жизнь, так же как никогда не уязвляешь, кроме как для излечения. Когда наказываешь, касаешься нежно, и этого достаточно, чтобы поглотить мир; а когда ласкаешь, то больше с намерениями основательными, и так дар твоей сладости не может быть исчислен. Явила меня, чтобы исцелить, о божественная длань!, и убила во мне то, что было смертного, кроме жизни Бога, в котором теперь вижу себя живым. И творила сие в свободе твоей великодушной милости, которую употребила в отношении меня в касании, которым касалась *меня блистанием твоей славы и образом твоей субстанции* (Евр. 1,3), который есть твой Сын Единородный, знаемый яко [есть] твоей сущности, *трогаешь крепко, от конца до конца* (Прем. 7,24); и это Сын твой Единородный, о десница милосердная Отца!, сие касание тонкое, которым касаешься меня в крепости твоего прижигания и уязвляешь меня.

17. О, стало быть, ты, касание деликатное. Слово, Сын Божий, который по тонкости твоего бытия subtilно проницаешь субстанцию моей души, и, касаясь её учтиво, вбираешь её в себя всю в божественных формах радостей и нежностей *никогда не слыханных в земле Ханаанской, не виданных в Фемане!* (Вар. 3,22). О, стало быть, много, и величайшим образом много-тонкое касание Слова, для меня настолько более, насколько, *переворачивая горн и расщепляя скалы на горе Хорив* тенью твоей мощи и силы, которая шла впереди, ты давал более нежно и обильно ощутить Тебя пророку *в шелесте ветра [тонком]!* (3 Цар. 19,11-12). О, ветерок тонкий! како еси дуновение тонкое и нежное? как касаешься тонко и деликатно, Слово, Сын Божий, знаемый таким ужасным и могущественным? О, счастлива душа, коей касаешься ласково и нежно, знаемый таким ужасным и могущественным! Давал сие миру; но не хочешь сказать этого миру, потому что не знает он дуновения тонкого и не воспримет Тебя, ибо не в силах ни принять Тебя, ни узреть (Ин. 14,17); кроме тех, Бог мой и жизнь моя, которые отчуждались мира, те увидят и ощутят Твоё касание тонкое, положившие себя в тонком, согласующие тонкое с тонким, и так могущие чувствовать Тебя и радоваться; таковых настолько более тонко касаешься, насколько, ставши уже утончёнными и отточенными, и имея очищенной субстанцию своей души, отчуждены они от всего тварного, и всякого следа и всякого прикосновения его, служишь им скрытным обиталищем /от твари/. И сим *сокрываешь этих от тех в тайнике лица Твоего*, который есть Слово, *от смятения человеков* (Пс. 30,21).

18. О, стало быть, ещё раз и многожды деликатное касание, настолько же более деликатное, насколько более сильно и могуче, столь много деликатное, потому что силою Твоей деликатности растворяешь и отделяешь душу ото всех прочих прикосновений вещей тварных, и присуждаешь [ей награду] и сочетаешь её только в Тебе, и такое тонкое действие и след оставляешь в ней, что всякое иное касание всех вещей высоких и низких кажется ей грубым и не подлинным, и она оскорбляется уже одним видом их, и для неё суть боль и тяжкая мука обращаться с ними и касаться их!

19. Следует знать, что чем более просторна и вместительна вещь, тем более тонка она в себе, и чем более распространена и общительна, тем более subtilна и деликатна.

Слово безмерно тонко и изящно, яко Он есть касание, которое касается души; душа же есть сосуд просторный и вместительный, благодаря хвале и очищению великому, которые имеет на этой стадии. О, стало быть, касание нежное! – что тем богаче и изобильнее внедряешь Ты в мою душу, чем более обретаешь субстанции, и чем более чиста моя душа.

20. И также следует знать, что тем более subtilно и деликатно касание и тем большую радость и усладу сообщает касаемому, чем менее оно захватливо и размерно. Сие божественное касание не имеет никакого размера и захвата, потому что Слово, которое творит его, чуждо есть всякому виду и способу и свободно от всякого схватывания, формы и обрааа, и акциденций, которые есть то, что обычно опоясывает и полагает черту и предел субстанции. Итак, сие касание, о котором здесь говорится, поскольку является субстанциальным, а именно, божественной субстанции, несказанно. О, стало быть, наконец, касание несказанно деликатное Слова, ибо не творит в душе меньшего, чем быть с Твоей простейшей субстанцией и с Твоей прямодушностью, которая, поскольку бесконечна, и, через то, так subtilно и превосходно и деликатно касается,

что о жизни предвечной знает!

21. Что, хотя не является совершенной ступенью, есть в определённой воздействию вкус жизни вечной (как сказано выше), который вкушается в сём касании Божьем. И не является невероятным, что есть тако, – веруящи, как должно верить, что сие касание есть касание Его субстанции, то есть субстанции Бога в субстанции души, которого многие святые достигли в сей жизни. Откуда, тонкость услады, которая ощущается в сём касании, не может быть высказана; ни я желаю распространяться об этом, чтобы не создалось мнения, будто сие суть не более того, что говорится, так как нет слов для изъяснения вещей Божьих столь возвышенных, которые проходят через эти души, для которых подходящий язык – это понимать их для себя и чувствовать их для себя, и да молчит и радуется им тот, кто имеет. Потому что замечает душа здесь, что сии вещи определённым образом подобны ***камню белому***, о котором молвит Святой Иоанн, ***яко даруется побеждающему, а на камне написание имени, которого никто не знает, только тот кто принимает*** (Ап. 2.17); итак, возможно сказать только, и поистине, ***что о жизни предвечной знает***; которой хотя в жизни сей и не радуется совершенно, как во Славе, вместе с тем, сие касание, будучи касанием Божьим, ***о жизни предвечной знает***. Итак вкушает душа здесь ото всех вещей Божиих. сообщающих ей крепость, мудрость и любовь, красоту, изящество и доброту, и т.д.; что, поскольку Бог суть все эти вещи, вкушает душа в едином касании Божьем, и так радуется душа, соответственно её потенциям и субстанции.

22. И от сего блага души, временами переливается в тело помазание Духа Свята и радуется всю субстанцию чувственную, все члены и кости, и мозги, не так щадяще, как это обычно бывает, но с чувством великой радости и славы, которая ощущается вплоть до последних сочленений рук и ног. И чувствует тело такую славу в душе, которую своим способом возвеличивает Бог, ощущая её в своих костях, подобно тому, как молвит Давид: ***Все кости мои скажут: Боже, кто подобен Тебе?*** (Пс.34,10). И поскольку всё то, что возможно сказать об этом, есть в мале, посему довольно говорить, так же и о телесном, как о духовном, что ***о жизни предвечной знает и все доли возмещает***.

23. Молвит это душа, потому что во вкусе жизни вечной, которую здесь вкушает, чувствует награду за те труды, через которые прошла, чтобы прийти к этой стадии; на которой она не только чувствует себя возмещённой и удовлетворённой по-справедливости, но и с великим избытком награждённой, способом, который добре уясняет истину обещания Жениха в Евангелии, который даровал **стократы** (Мт. 19,23), способом, который не предполагает скорби, или искушения, или наказания, или какой-либо другой тяготы, которой бы не отвечало стократное утешение и услада в сей жизни; способом, который позволил душе обоснованно молвить: **и все долги возмещает.**

24. И чтобы узнать, как и каковы бывают эти долги, которые душа чувствует здесь оплаченными, следует заметить, что обычным путём никакая душа не возможет прийти к сему высокому состоянию и царству помолвки, если не пройдёт прежде через множество скорбей и тягот; потому что, как говорится в Деяниях Апостолов, **через многие скорби входят в Царство небесное**, каковые уже суть пройдены в сём состоянии, ибо отселе и впредь, так как душа уже очищена, не претерпевает их, (Деян.14,21).

25. Тяготы, стало быть, которые должно претерпеть, чтобы войти в это состояние, бывают трёх видов; а именно: труды и разочарования страхи и искушения, **посылаемые Небом** многими способами; искушения и сухоты и огорчения **части чувственной**; скорби, мраки, утеснения, беззащитности, искушения и прочие тяготы части **духовной**; потому что таким образом она очищается в частях духовной и чувственной, способом, о котором говорили, объясняя четвёртый стих первой песни. А причина, по которой необходимы суть эти труды для достижения сказанного состояния, есть та, что как горная влага не вливается иначе, как в сосуд крепкий, приготовленный и очищенный, так и сие высокое единение не может быть привнесено в душу неукреплённую тяготами и искушениями и неочищенную скорбями, мраками и утеснениями; ибо первыми очищается и укрепляется чувство, а вторыми утончается и очищается и располагается дух. Потому что, как для единения с Богом во Славе дух нечистый проходит наказание огнём в другой жизни, так для совершенного союза в этой должно пройти через огонь сказанных наказаний; который в одних действует более, а в других менее сильно, в одних более длительно, в других менее, соответственно степени союза, до которой Бог хочет их поднять, и согласно тому, что имеется в них подлежащего очищению.

26. Через сии тяготы, в которые Бог полагает душу и чувство, приобретает она доблести, силу и совершенство со вкусом горьким, потому что **доблесть во слабости усвершается** (2Кор. 12,9), и упражнение через страдания выделяется в нём; ибо не может слушаться и приспособиться железо к уму ремесленника, если не посредством огня и /молота/, соответственно, об огне говорил Иеремия, яко привёл его в ум, молвя: **Вошёл огонь в кости мои и научил меня** (Плач 1,13). И о молоте также говорит Иеремия: **Наказывал меня, Господи, и так научил** (31,18). Отчего и говорит Экклезиаст:

Тот, кто не испытан, что может знать?; и тот кто не попробовал, немногие вещи узнал (34,9 и II).

27. И здесь нам нужно отметить причину, по которой так мало тех, кто достигли столь высокой стадии совершенства в единении с Богом. О чём следует знать, яко не оттого сие, что Бог хочет только немногих из этих духов поднять, ибо скорее хотел бы, чтобы все усовершеншились, но оттого, что мало находит таких сосудов, которые вытерпели бы столь высокую и возвышенную работу; каковых поскольку испытал на меньшем и нашёл слабыми, так что они тут же убегают от работы, не желая подвергаться и малому отчаянию и умерщвлению, откуда последует то, что не обрета их крепкими и верными в малом, в котором явил им милость начального обтёсывания и обработки, заметил, что будут они много меньшими во много большем, и так не пошёл далее в очищении и возвышении их от праха земного для труда умерщвления, для какового необходимы большие постоянство и крепость, нежели они явили. Итак, находятся многие, которые желают пройти вперед, и с великой настойчивостью молят Бога, чтобы перенёс и провёл их к этой стадии совершенства, а когда Бог желает начать возвышать их посредством первых тягот и умерщвлений, как то необходимо, не хотят проходить через них и присваивают тело, убегая узкого пути жизненного, ища простора своей утехи, который служит к погибели, и так не дают места Богу, чтобы воспринять то, о чём молили, когда Он начинает даровать просимое. И так остаются подобно сосудам неиспользуемым, потому что, желая достичь стадии совершенных, не хотят быть ведомыми по пути тягот, ни даже приступить ко входу, подвергнувшись меньшему, тому что обычно претерпевают. Можно ответить им из Иеремии, который говорит: ***Ежели течи с пешими ты утрудился, как сможешь идти в ногу с конными? И коли в земле мирной имеешь отдохновение, что будешь делать в ярости Иордана?*** (12,5). Что есть, как если бы сказал: Если с трудами, которые на ровном шаге обычно и по-человечески постигают всех живущих, сделав лишь один короткий шаг, ты ощущаешь такую тяготу, что тебе кажется, будто они бегут, как сможешь уравнивать свой шаг со всадником, что есть уже труд больший, чем обычный и привычный, для которого требуется большая сила и быстрота, нежели человеческие? И если ты не восхотел оставить сбережение мира и вкуса твоей земли, которая есть твоя чувственность. не желая ни ополчиться на неё, ни противоречить ей ни в чём, как же захочешь самого себя ввести в бурные воды скорбей и трудов духовных, которые суть более внутренни?

28. О души, хотящие ходить безопасными и утешенными в вещах духовных!; если бы знали вы, сколько нужно вам претерпеть страданий, чтобы войти в эту безопасность и утешение, и как без них не может душа войти к тому, чего желает, но скорее поворотит вспять, никоим образом не найдя утешения ни в Боге, ни в тварях, но раньше вознеситесь на крест и восхотите испытать там, повиснув на нём, чистой желчи и уксуса, и обрели бы в

том великое счастье, видя, как, умерев так для мира и самих себя, оживёте к Богу в уладах духа, и, ежели, страдая с терпением и верностью в малом и внешнем, удостоитесь, чтобы обратил Бог очи свои на вас, ради очищения и исправления более внутреннего, посредством неких трудов духовных, больше внутренних, чтобы даровать блага более внутренние. Потому что многие службы нужно исполнить Богу, и многие терпение и постоянство нужно иметь для Него, и много приятными нужно быть для Него в жизни своей и трудах тем, кому оказывает Он столь выдающуюся милость, испытывая их более внутренне, чтобы вознаградить их в дарах и заслугах, как то сотворил Он со святым Товией, которому говорил святой Рафаил, что дабы **стать ему приятным Богу, оказана была ему милость посланием испытания, чтобы проверить его больше, ради большего возвеличения** (12.13); *итак, весь остаток его жизни* после сказанного испытания, *прошёл в радости*, как гласит божественное Писание (там же, 14,4). Ни больше и не меньше этого видим на примере Святого Иова, яко в приятии, каковым принял Бог его труды пред духами добрыми и злыми, тут же милостиво ниспослал ему великие тяготы, чтобы потом возвеличить много больше, как то и сотворил, умножив его благая в духовном и преходящем (I и 2; 42,12).

29. Подобным же образом поступает Бог с теми, кого хочет наделить основным преимуществом, так что испытывает их и позволяет искушать, чтобы поднять их насколько можно, что означает привести их к союзу с божественной мудростью, которая, как молвит Давид, есть **серебро, испытанное огнём, проверенное землёй**, то есть, нашей плотью, и **очищенное семикратно** (Пс. 11,7), что есть наибольшее из возможного. И не станем для этого задерживаться далее здесь, говоря о том, каковы суть эти семь очищений, и каково каждое из них, ведущее к сказанной мудрости, и как им отвечают семь степеней любви в этой мудрости, которая тогда подобна серебру для души, как молвит Давид, хотя имел с ней большее единство; но в последующей жизни будет она, как золото.

30. Нужно, стало быть, душе пребывать в великом терпении и постоянстве во всех скорбях и тяготах, которые посылает ей Бог снаружи и изнутри, духовных и телесных, больших и малых, беря всё, как с Его руки, для своего блага и избавления, и не убегая их, ибо суть целительны для нея, принимая в сём совет Мудрого, который молвит: **Ежели дух имеющего власть возгорится на тебя, не покидай своего места**; то есть места и положения твоего испытания, которое в той тяготе, что посылается тебе, потому что **выздоровление прекращает великие грехи** (Эккл. 10,4); то есть отрезает корни твоих грехов и несовершенств, которые суть дурные привычки, потому что борьба с тяготами, стеснениями и искушениями гасит привычки дурные и несовершенные души, и вычищает и укрепляет её. Посему должна душа высоко ценить посылаемые ей Богом тяготы внутренние и внешние, разумея, что немного суть таких, кто устаивается быть снедаемым страстями, претерпевая до конца, где достигает столь высокого состояния.

31. Возвращаясь, стало быть, к нашему объяснению [песни], говорим, что осознала здесь душа, что все обернулось благом для неё, и что уже *sicut tenebrae ejus ita et lumen ejus* (Пс. 138,12), и что, как была участницей скорбей, так теперь есть участница утешений и царства, обрета весьма благий отклик на труды внутренние и внешние в виде божественных благ душевных и телесных, так что ни одна тягота [которую претерпевала] не осталась без соответствующей награды, и она [душа] исповедует [теперь], как она добре уже удовлетворена, говоря: И все долги возмещает, благодарствуя Богу в сём стихе, как то же сделал Давид в своём, за то что [Бог] изъял его из тягот, говоря: *Сколько скорбей явил мне весьмистых и злых, и ото всех освободил меня, и из пропастей земных другой раз извлёк меня; умножил величие Твое и, оборотившись ко мне, утешил меня!* (Пс. 70, 20-21). Так [ныне] суца душа, которая прежде чем достигла сего состояния, усажена была подобно Мардохею у дверей дворца, оплакивая на площадях Суз опасность для жизни своей, одетая в кремень, не желая принять облачение от царицы Эсфири, не приняв какой-либо награды за свои услуги царству и вере, которые оказал, защищая свои честь и жизнь, в день единый (как тот самый Мардохей) возместила здесь все свои тяготы и службы, не только будучи введённой во дворец и представши пред царём одетой в одежды царские, но – также в возмещение – получила корону и скипетр, и седалище царское, и в собственность перстень царский, чтобы творить всё, чего пожелает в царстве Жениха своего (см. Эсф.); ибо причастники сего состояния всего, чего пожелают, достигают. В каковом [состоянии] не только что удовлетворены в исках своих, но ещё и имеют мёртвыми жидов, врагов своих, которые суть вожделения несовершенные, которые приводят к оставлению жизни духовной, в которой душа уже живёт, соответственно её потенциям и желаниям. Яко посему молвит она тут же:

Убивая, смерть в жизнь пременяет.

32. Потому что смерть есть ничто иное, как отъятие жизни, и потому что в пришествии жизни не остаётся следа смерти. У духовного есть два образа жизни. Один это блаженство, состоящее в лицезрении Бога, и достигается через смерть естественную, как говорит Св. Павел, молвя: ***Ведаем, яко если сей наш дом глиняный распустится, имеем от Бога жилище на небесах*** (2Кор. 5,11). Другой есть совершенная духовная жизнь, которая в причастности Богу через единение любви; и она достигается посредством умерщвления всех пороков и похотений, и в целом самого естества; и до тех пор пока это не сделается, невозможно прийти к совершенству сей жизни духовной единения с Богом, касательно чего также молвит Апостол в следующих словах, говоря: ***Ежели живете по плоти, умираете, но ежели духом умерщвляете дела плоти, оживаете*** (Рим. 8,13).

33. Откуда ясно, что то, что здесь душа называет смертью есть ветхий человек в целом, каковой есть всякое употребление потенций, памяти, разума и воли, занятых и наполненных вещами века, и вожделения ко вкусам тварным. Всё это есть отправление жизни ветхой, каковая есть смерть новой, то есть духовной; в которой не может душа жить совершенно, ежели не умрёт совершенно ветхий человек, как известил о сём Апостол, говоря, ***яко сменяются человека ветхого и облачаются человеком новым, который промыслом всемогущего Бога сотворён есть в правде и святости*** (Эф. 4,22). В сей жизни новой, которая настаёт, когда достигается сказанное совершенство единения с Богом, как мы о том здесь толкуем, все похотения души и её потенции, в части их наклонностей и осуществлений, которые сами в себе были пребыванием в смерти и лишением жизни духовной, пременяются в божественные.

34. И так как всякое живое существо живёт через своё осуществление, как говорят философы, душа, имеющая свои осуществления в Боге посредством союза, который имеет с Богом, живёт жизнью Бога, и так пременяет свою смерть в жизнь, то есть жизнь животную в жизнь духовную. Посему *разум*, который до сего единения разумел естественно: силой и мощью своего естественного света, посредством чувств естественных, теперь уже движется и оформляется другим, более высоким началом сверхъестественного света Божия, оставляя побоку чувства; и так пременяется в божественный, ибо благодаря единению его разумение *и* Божеское во всём есть одно. И *воля*, которая прежде любила низко и мертвенно, единственно [силой] своего природного аффекта, теперь уже пременялась в жизнь любви божественной, потому что любит возвышенно /силой/ аффекта божественного, движимая мощью Духа Свята, в которой живёт уже жизнью любви; потому что посредством сего союза воля Его и её теперь уже только одна вода. И память, которая сама по себе воспринимала форды и фантазмы [вещей] тварных, пременялась посредством сего союза к тому, чтобы ***иметь в памяти годы вечные, как молвит Давид*** (Пс. 76,6). *Вожделение естественное*, которое имело привычку и силу к тому, чтобы вкушать вкус вещей только тварных, который творит смерть, пременялось во вкушение и смак божественные, движимое и утоляемое уже другим началом, где стало уже более живым, которое [начало] есть радость Божия, и, поскольку стало единым с Ним, теперь уже ничто иное, как желание Бога. И наконец, все *движения и операции*, и наклонности, которые прежде душа имела от начал и сил своей жизни естественной, в сём союзе уже пременялись в движения божественные, мёртвые к своим операциям и склонностям и живые к Богу, поскольку душа, как уже истинная дочь Бога, во всём подвизаема духом Божиим, как означил то Святой Павел, говоря, что ***движимые духом Божиим суть дети самого Бога*** (Рим.8,14). Способ, которым, согласно сказанному, разум сей души есть разум Бога, и воля её – Воля Бога, и память её – память Бога, и её улада – улада Божья, а субстанция сей души, хотя не есть субстанция Бога, ибо не в состоянии субстанциально превратиться в Него, однако, будучи единой, как здесь она есть, в Нём и таким же образом восхищенной, соделалась Богом по причастности к Богу; что происходит в сём совершенном состоянии жизни духовной, хотя не так совершенно, как в другой [жизни]. И таким образом стала душа мёртвой ко всему, чем она была в себе, что явилось для нея смертью, и живой к тому, что есть Бог в себе. И, через то, молвя в самой себе, добре говорит в стихе: ***Убивая, смерть в жизнь пременяет***. Откуда может душа весьма добре сказать здесь вслед за Святым Павлом: ***Живу аз, но уже не аз, но живёт во мне Христос*** (Гал. 2,20). Таким способом пременялась [смерть сей души] в жизнь Бога, и это также согласуется со сказанным Апостолом, когда он говорит: ***Поглощена смерть победою*** (1Кор. 15,54), и с тем, что молвит также пророк Осия от лица Бога, говоря: ***О смерть! Аз буду твоей смертью*** (13,14); что есть как если бы сказал: Я, который есмь жизнь, ощущающая смерть смерти, смерть поглотила жизнью.

35. Такою судьбою стала душа восхищенной в жизнь божественную, отчуждившись всего, что есть мирского, преходящего, и желаний естественных, ***введённая в покои царские, где радовалась и веселилась в возлюбленном своём, вином вспоминая перси его, говоря: Хотя смугла, прекрасна, дочь Иерусалима*** (Песн.1.3-4) ибо чернота моя природная пременялась в красоту царства [небесного].

36. В этой стадии жизни, столь совершенной, душа всегда как бы празднует, внутренне и внешне, и очень часто несёт небо духа её ликование Бога велие, как песнь новая, всегда новая, облечённая в радость и любовь от сознания своего счастливого

состояния. А иной раз пребывает в радости и плодоносности, повторяя в духе своём известные слова Иова, которые гласят: *Слава моя всегда обновлена будет, и как пальма умножу я дни* (29.20); что есть, как если бы сказать: Бог, пребывающий в себе всегда одним и тем же, обновляет все вещи, как говорит Мудрец (7,27), ставший уже навсегда союзным в моей славе, всегда обновляет мою славу, то есть не позволяет ей воротиться к ветхому, как то было раньше; и умножит дни, подобно пальме, то есть мои заслуги направит к небу, как пальма направляет, так Он пошлёт свои прямизны. Потому что заслуги души, пребывающей в сём состоянии обычно суть велики в числе и достоинстве, и также ходит обычно, воспевая к Богу в духе своём всё то, что молвит Давид во псалме, который начинается *Exaltabo te, Domine, quoniam suscepisti me*, особенно два последних стиха, которые гласят: *Convertisti plactum meum in gaudium mihi, etc., conscidisti saccum meum, et circumdedisti me laetitia* (Пс. 29, 12-13), ***за что пою тебе славу мою и уже не сокрушён; Господь Бог мой, всегда восхваляю Тебя.*** И не удивительно, что душа так часто ходит в сих весельях, ликованиях, изобилиях и восхвалениях Бога, потому что, помимо осознания того, что имеет милости знакомые и полученные, ощущает от Бога здесь такую заботу обласкания её столь драгоценными и тонкими и ценными словами, и что Он возвеличивает её теми и другими милостями, что кажется душе, будто не имеет Он другой в мире, которую бы ласкал, ни другой вещи, которой бы занимался, но что Он целиком принадлежит ей одной. И чувствуя так, она исповедует сие, подобно супруге в Песнях, говоря: *Dilectus meus mihi et ego illi* (2,16).

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

*О, светы пламени,
в чьих блистаниях
глубокие пещеры чувства
остаются слепыми и
от чудного Его искусства.
Желанному жар и свет давая разом!*

ОБЪЯСНЕНИЕ

1. Соблаговолил бы Бог даровать здесь свою благосклонность, которая определенно много необходима, чтобы изъяснить глубину сей песни. Читающему же нужно быть осторожным, потому что, если он не имеет опыта, то, возможно, объяснение покажется ему несколько тёмным и многословным, если же по счастью имел [опыт], будет для него и смачным. В сей песне душа превозносит и благодарит своего Жениха за великие единения, которые восприяла в нём, и благодаря которому, молвит здесь, восприяла многие и велие понятия о себе самой, все укоренённые в любви, с которыми осветились и исполнились любовью потенции и чувства души, которые ранее [до сего союза] оставались тёмными и слепыми, и которые теперь уже могут быть осветлёнными и согретыми жаром любви, как они и стали, дабы смочь подарить свет и любовь тому, кто их и наполнил любовью. Потому что истинный любовник тогда только бывает до-1, когда всё, что он есть в себе, что он ценит, и имеет, и получает, он растрчивает в возлюбленном, и чем больше, тем большее удовольствие получает в дарении этого. И об этом радуется здесь душа, что теми сияниями и любовью, которые восприяла, может блистать перед своим Возлюбленным и любить Его. Следует [поэтому] стих,

О, Светы Пламени!

2. Во-первых, знамо, что светила имеют свойства, которые суть свет и тепло. Для того чтобы понять, что представляют собой те "светы", о которых молвит душа, и как светят и рдеют в ней, даруя ей тепло, следует помнить, что Бог в Его едином и простом бытии есть все доблести и величия его атрибутов: потому что всемогущ, мудр и милосерден и справедлив, крепок и любящ и т.д.; и прочие бесконечные атрибуты, которых не знаем; и, ощущая Его бытующим во всех этих вещах в Его простоте, ставшим единым с душой, когда Он почитает за благо открыть ей понятие, различающее отчётливо в Нём все эти доблести и величия, а именно, всемогущество, мудрость, кротость, милосердие и т.д.. И поскольку каждая из этих вещей есть то самое бытие Бога в едином владычестве Его, который есть Отец, и Сын, и Дух Свят, [ощущая каждый атрибут их тем же Богом и ощущая Бога бесконечным светом или] огнём божественным (как мы выше сказали), откуда следует, что каждый из этих бесчисленных атрибутов светел и тепел, как Бог, и так каждый из этих атрибутов есть светило, которое светит душе и дарует ей жар любви.

3. И, поскольку в едином акте сего единения получает душа понятия этих атрибутов, тот же самый Бог является душе разом множеством светов, которые различно ей светят и дают тепло, так как о каждой вещи имеет отличное понятие, и от каждой воспламеняется любовью. Итак, во всех светах, по отдельности, душа любит, воспламенённая каждым из них, и всеми вместе, потому что все эти атрибуты суть одно бытие, как мы сказали; итак, все эти светы суть единое светило, которое, соответственно (множеству) его доблестей и атрибутов, светит и рдеет, как множество светов. Благодаря чему душа в едином акте понятия этих светов любит посредством каждого из них, и в том же акте любит посредством всех вместе, возвышая в сём акте качество любви через каждый из них, и о каждом, и о всех вместе, и через вместе. Ибо блистание, которое дарует ей сие светило

бытия Божия в Его всемогуществе, даёт ей свет и жар любви Божией в Его всемогуществе, и, соответственно, уже Бог есть для души свет всемогущества и дарует ей свет и полное понятие об этом атрибуте; и блистание, которое дарует ей это светило о бытии Божиим в Его Мудрости, творит ей свет и жар любви Божией, поскольку Он мудр, и, соответственно. Бог для неё есть уже Свет Мудрости; и блистание, которое дарует ей сие светило в Его кротости, творит душе свет и жар любви Божией, поскольку Он добр, и, соответственно, Бог для неё есть уже светило кротости; и, ровно так же, Он есть для нее свет справедливости, и крепости, и милосердия, и всех остальных атрибутов, которые соединённо представляются душе в Боге. И совместный свет, каковой получает душа ото всех них, приобщает ее к жару любви Божией, с которым она любит Бога, потому что Он есть всё это. И таким образом, в этом приобщении и откровении, которые Бог от Себя сотворяет душе, – что, на мой взгляд, есть главное, что может сотворить ей в сей жизни, – суть для неё бесчисленные светы, которые о Боге дают ей понятие и любовь.

4. Эти светы видел Моисей на горе Синай, где проходил Бог. Пали ниц на землю и начали восклицать и глаголать некоторые из них, говоря так: *Повелитель, Господь Бог, милосердный, милостивый, терпеливый, много сострадательный, правдивый и хранящий сострадание в тысячах, оставляющий злобы и грехи, яко никто есть без вины пред Тобой* (Исх. 34. 6-7). Из чего видно, что Моисей познал там в Боге множество атрибутов и доблестей, каковые были о всемогуществе, господстве, божественности, милосердии, справедливости, истине, прямизне Бога, что было высочайшим познанием Бога. И, поскольку, соотносённо с этим познанием, была также любовь, которая ему сообщилась, то было и возвышеннейшее наслаждение любовью и удовлетворение, которые там получил.

5. Откуда примечаем, яко радость, которую душа получает в экстазе любви, сообщенной через огонь света сих светильников, восхитительна и безмерна, потому что избильна так же, как множество светов, каждый из которых - в объятиях любви, а также жар одного содействует жару другого, и пламя одного - пламени другого, так же как один даёт свет другим, поскольку в любом из атрибутов познаётся и другой; и так все они становятся единым светом и единым пламенем, и каждый из них - единым светом и единым пламенем. И здесь душа, безмерно поглощённая в тонких пламенах, уязвлённая пронзительно любовью в каждом из них, и во всех их вместе много уязвлена и жива в любви жизни Божией, основательно примечает она, что сия любовь есть жизнь вечная, каковая есть соединение всех благ, так как здесь определённо ощущает их душа; познаёт добре здесь душа истину слов, сказанных Супругом в Песнях, когда молвил, яко светы любви будут светами огня и пламени (8,6). Прекрасна ты в походке твоей и обуви, княжеская дочь (там же, 7,1). Кто сможет воспеть великолепие и необычность твоей радости и величества в восхитительном блистании и любви твоих светов?

6. Повествует божественное Писание, яко один из этих светов прошествовал пред Авраамом древле и причинил ему великий ужас мрачный, потому что свет этот был правдой суровой, которая должна была содейаться пред хананеями (Быт. 15,12-17). Так как все эти светы понятий Божьих, которые дружелюбно и любовно освещают тебя тебе, о душа обогащенная, то насколько же более света и радости любви доставят тебе они; те, что причинили ужас и мрак Аврааму? И насколько, сколь превосходно и сколькими способами будешь ты обрадована, если во всех и от всех их получишь удовольствие и любовь, приобщаясь Богу в твоих потенциях, соответственно Его атрибутам и доблестям? Потому что, когда некто любит и творит благо другому, творит ему добро и любит его, соответственно своему характеру и особенностям; и так твой Супруг, установившийся в тебе, каков Он есть, таковые творит тебе милости: ибо, знаемый всемогущим творит тебе благо и любит тебя со всемогуществом; и знаемый мудрым, ощущаешь, яко творит тебе благо и любит с мудростию; а знаемый бесконечно добрым, чувствуешь, что любит тебя с кротостию; знаемый святым, чувствуешь, яко любит тебя и творит милости со святостью; понимаемый справедливым, чувствуешь, яко любит тебя и творит милости справедливо; знаемый милосердным, кротким и милостивым, чувствуешь его милосердие, сострадание и кротость; и

знаемый крепким и тонким, и деликатным бытием, чувствуешь, яко любит тебя крепко, возвышенно и деликатно; и поскольку является беспорочным и чистым, ощущаешь, яко с чистотою и беспорочностью любит тебя; и, поскольку истинен, чувствуешь, что любит тебя по-настоящему; и, поскольку великодушен, чувствуешь, яко любит тебя и дарует милости со щедростию, без какой-либо заинтересованности, единственно ради сотворения блага; и, поскольку являет собой доблесть наивысшего смирения, с наивысшей кротостью и высочайше оценивая тебя любит и приравнивает к Себе, открывая тебе Себя на этих путях понимания [Его] радостно, в сём лице Его, полном милости и молвящим к тебе в сём союзе, не без твоего великого ликования: Аз есмь твой и ради тебя, и радуюсь бытию таким, каков есть, чтобы быть твоим и даровать Себя тебе.

7. Кто, стало быть, выскажет то, что чувствуешь, о, душа счастливая!, познавшая себя так возлюбленной и таким оцениванием возвеличенной? Чрево твое, кое есть твоя воля, есть, подобно таковому супруги: *подобно снопу пшеницы, покрытому и увитому ирисами* (Песн. 7,2), ибо в этих зёрнах хлеба жизни, которых ты отведываешь соединёнными вместе [в колосе, который есть Христос], ирисы, которые тебя увивают, радуют тебя. Ибо сии суть сыны царствия, как молвит Давид, которые радуют тебя миром и амброй, и другими ароматами (Пс. 44, 9-10), ибо понятия, которые сообщает тебе Возлюбленный, о Его милостях и доблестях, суть его дети, в коих ты так погружена и вселена, что также стала колодезем воды живой, стремительно текущей с гор Ливанских (Песн. 4,15), которые суть Бог. В которой чудеснейше веселишься согласно всецелой гармонии души, и даже тела, – сотворенная вся раем, орошаемым божеством, через что исполняется также на тебе сказанное в Псалме, который гласит: *Стремнина речная веселит град Божий* (45,5).

8. О, чудная вещь! – яко во время сие душа переполнилась водами божественными, в которых она претворилась в подобие изобильного источника, который всеми частями изливает божественные воды! Ибо, хотя истина есть, что сие общение, о котором мы рассказываем, есть свет и пламень сих светов Божиих, но этот огонь здесь (как мы сказали) так нежен, что, будучи огнём безмерным, подобен водам жизни, которые утоляют жажду духа потоком, которого он вожделеет. Подобно же, как эти светы огня суть воды живые духа, таковы были и те, что снизошли на Апостолов (Деян. 2,3); которые хотя были языками огненными, были также водами чистыми и непорочными, ибо так назвал их Иезекииль, когда пророчествовал пришествие Духа свята, говоря: *Вселятся - молвит там Бог - в вас воды чистые и положу духа моего среди вас* (36, 25-26). Итак, хотя и огонь, также есть вода; потому что этот огонь иносказательно есть огонь жертвы, который сокрыл Иеремия в цистерне, каковой, поскольку был сокрыт [в цистерне] был водой, а его извлекли наружу для жертвоприношения, стал огнём (2Мак. 1,20-22; 2, 1-12). И таков же дух Божий: будучи спрятанным в сосудах души, подобен воде мягкой и сладкой, утоляющей жажду духовную, а в исполнении жертвы любви к Богу есть пламена живые огня, кои суть светы акта чистой любви и пламена, о которых выше мы цитировали Супруга из Песней (8,6). И через то душа здесь зовёт их пламенами, ибо не только как воды ощущает их в себе, но также осуществляет их в любви Божией, как пламена. А, поскольку в сообщении духа этими светами душа воспламенена и пребывает в осуществлении любви, в акте любви, то скорее зовёт их пламенами, чем водами, говоря: *О, светы пламени!* Всё, что можно выразить в сей песне, суть меньше того, что есть на самом деле, потому что преображение души в Бога несказуемо. Всё сие творится в следующих словах: яко душа соделалась Богом от Бога через причастность Ему и Его атрибутам, кои суть те, которые здесь зовутся светами, огня,

В чьих блистаниях...

9. Из чего понятно, что блистания суть те самые светы, о которых молвила здесь душа; и как душа блистает в них, то сие значит, что эти блистания суть понятия любовные, которые светы атрибутов Бога дают от себя душе, в каковых она единится соответственно их потенциям, она также блистает, как они, преображённая в блистания нежные.

Освещение же от этих блистаний, в которых душа сияет жаром любви, не подобно творимому светам материальными, которые своими вспышками освещают вещи вокруг себя, но – как вещи, находящиеся внутри пламени, ибо душа пребывает внутри сих блистаний. Итак, утверждаем, что это подобно воздуху, находящемуся внутри пламени, возожжённо-му и преображённому в пламя, потому что пламя есть ничто иное, как воспламенённый воздух, а движения и блистания, которые творит сие пламя, не суть один только воздух, ни один только огонь, из которых состоит, но – вместе, воздух и огонь; а огонь, который их творит, создаёт воздух, воспламенённый в себе.

10. Из этой картины разумеем, яко душа становится просветлённой в её потенциях изнутри этими блистаниями Божьими. А движения сих божественных пламен, которые суть вибрирующие и пламенные, как мы сказали о том выше, производятся не единственно душой, преображённой в пламена Духа Свята, ни одним только Духом, но – Им и душой вместе: движущи Ему быти душу, как огонь воспламеняет воздух. Итак, сии движения Бога и души, соединённых, не суть только блистания, но – также прославления в душе. Ибо сии движения и воспламенения суть пылкости и игры, и праздники весёлые, о которых во втором стихе первой песни мы сказали, яко творит их в душе Дух Свят, в коих мнится, яко постоянно хочет окончательно даровать ей жизнь вечную и окончательно перенести в Свою совершенную Славу, впустив её уже поистине в Себя. Ибо все блага, первые и последующие, большие и меньшие, кои Бог сотворяет душе, всегда творит с намерением ввести её в жизнь вечную; точно так, как огонь всех движений и воспламенений, которые создаёт с помощью воспламенённого воздуха, имеют целью перенести её с Собой в центр своей сферы, а все эти движения, которые творит, служат тому, чтобы переместить её ближе к Себе; [ближе], так как воздух, находясь в своей собственной сфере, не переносит её. Так, хотя побуждения Духа Свята суть усилия по поглощению души во многую славу, все же не приходят к завершению, пока не придёт время, в которое она покидает воздушную сферу сей жизни плоти и сможет войти в центр духа совершенной жизни во Христе.

11. Следует, однако, знать, что эти движения суть более движения души, чем Бога, так как Бог не движется. Итак, сии отблески Славы, что даруются душе, суть устойчивые, совершенные и длящиеся, с постоянной ясностью в Боге, каковая после будет и в душе без изменения в сторону увеличения или уменьшения, и без включения движений; и тогда узрит душа ясно как, - хотя ей покажется, что тут Бог движется в ней, - не движется в себе самой, так же, как огонь не движется в своей сфере, и как, из-за того, что не пребывает в совершенной Славе, будет иметь некоторые движения и возожжения в чувстве славы.

12. Из того, что сказано, и из того, что теперь говорим, весьма ясно разумеется, каково есть превосходство блистаний сих светов, о которых рассказываем, посему эти блистания иначе зовутся затемнениями. Для постижения смысла этого следует знать, что, говоря затемнение, хотят сказать то же самое, что сотворение сени, а сотворить сень есть то же самое, что защитить и покровительствовать, и оказывать милости, так как укрытие сенью является символом того, что персону, кою она окружает, находится под защитой и покровительством. И через то известная милость, которую сотворил Бог Деве Марии, зачав во чреве ея Сына Божия, Святой Архангел Гавриил назвал затмением Духа Свята, говоря: Дух Святой сойдёт на тебя и доблесть Высочайшего осенит тебя (I, 35)

13. Чтобы добре уразуметь, как бывает сие сотворение сени и затемнение великих светов – что есть одно и то же, – следует знать, что всякая вещь имеет и творит тень подобную форме и характеру самой вещи. Ежели вещь туманная и тёмная, то и тень творит тёмную, а если вещь ясна и изящна, то и тень творит чёткую и изящную; итак, тень мглы будет другой мглой в форме первой, а тень света будет другим светом в форме первого.

14. Стало быть, поскольку эти доблести и атрибуты Бога суть светлы возожженные и блистающие, располагаясь так вокруг души, как мы сказали, они не возмогут не коснуться её своими тенями, которые также должны быть возожжёнными и блистающими, в подобие светов, их сотворивших; итак, сии тени будут блистаниями. Способ, которым, согласно этому, тень, которую творит душе свет красоты Божией, будет другой красотой,

подобной в форме и фигуре таковой красоте Бога, а тень, которую творит крепость, будет другой крепостью, изваянной по таковой Бога, а тень, которую творит Премудрость Бога, будет другой мудростью Бога, по мерке таковой Бога, и так же прочие светы: или, чтобы лучше сказать, будут той же премудростью и той же красотой, и той же крепостью Бога в тенях их, потому что душа здесь не может постичь этого в совершенстве Каковая тень, будучи столь подобной и соприисущей Богу, что является самим Богом в Его тени, позволяет душе добре узнать превосходство Бога.

15. В согласии с этим, каковы же будут тени, которые сотворит Дух Свят сей душе величиями своих доблестей и атрибутов, находясь так близко к ней, что не только касается их в тенях, но едина с ними в тенях и блистаниях, разумея и вкушая в каждой из них Бога, соответственно характеру и фигуре Его, в каждом из атрибутов и мужеств? Потому что разумеет и вкушает потенцию божественную в сени всемогущества, и разумеет и вкушает мудрость божественную в сени мудрости божественной, и разумеет и вкушает бесконечную благодать в сени, что близка к бесконечной благодати, и т.д.: наконец, вкушает славу Божию в сени славы, которая даёт понятие о характере и размерах Славы Божией, проходя всё это в ясных и пламенных тенях этих ясных и пламенных светов, кои все в едином свете единого и простого бытия Богова, которое действительно блистает всеми этими способами.

16. О, что, стало быть, чувствует здесь душа, которая испытывает здесь понятие и общение той фигуры, которую видел Иезекииль, как животное о четырёх лицах, в котором вращение четырёх колёс, видя, яко взгляд его – как угли пламенеющие и как вид светов, и, видя колесо, кое есть мудрость Божия, исполненное очей изнутри и снаружи, которые суть понятия божественные и блистания Его доблестей; и ощущая в духе своём некое звучание шествия его, кое было как шум множества и войска, что знаменует многие величия Бога, которые здесь душа в едином звуке одного шага, дарованного ей Богом, отчётливо познаёт; и, наконец, вкушая звук хлопанья их крыльев, которое, молвит пророк, было словно шум вод многих и как молва высочайшего Бога, кои знаменуют, как мы сказали, натиск вод божественных, которые в крылобиии Духа Свята в пламени любви, радуя душу, атакуя её, наслаждающуюся здесь славой Божией в Его подобии и тени, как также молвит пророк, яко видение этого животного и колеса было подобно славе Господней? (12). Сколь же вознесённой чувствует здесь себя эта осчастливленная душа, сколь возвеличенной себя познаёт, сколь восхитительной видит себя в красоте святой, кто сможет сказать это? Видя себя таким образом атакованной толиким изобилием в водах сих божественных блистаний, замечает, что Отец Вечный пожаловал её десницею долгой орошением верхним и нижним, как сотворил то Аксе её отец, когда она воздыхала (Иис. 15. 18-19); ибо эти воды, душу и тело, которые суть часть нижняя и верхняя, орошая, проникают.

17. О, восхитительное превосходство Бога!, такое, что эти светы атрибутов божественных, будучи единым простым бытием, и вкушаемы в Нём одном, видятся отчётливо так возожжёнными каждый, как и другой, и ощущаемыми каждый субстанциально [тождественным] с другим! О бездна улады, [ты] еси настолько же более изобильная, насколько богатства твои более собраны в единстве и простоте беспредельной Твоего единственного и единого бытия, в коем таким образом познаётся и вкушается *одно*, что не мешает познанию и вкушению совершенному *другого*, но скорее каждая милость и доблесть, какая ни есть в Тебе, есть свет, содержащий какое-либо другое величие Твое, потому что благодаря Твоей чистоте и мудрости божественной многие вещи видятся в Тебе выглядящими одной, поскольку Ты еси *кладёзь сокровищ Отца, блистание света вечного, зеркало безупречное и образ его благодати!* (Прем 7,26)

***В каковых блистаниях
глубокие пещеры чувства.***

18. Эти пещеры суть потенции души: память, разумение и воля - каковые суть столь глубоки, сколь суть вместилища великих благ, ибо не исполнены меньшим, чем бес-

конечное, - каковые, с тем, что претерпевают, будучи пусты, замечаем некоторым способом то, что они вкушают и чем услаждаются, когда наполняются Богом, так как в противоположность даётся свет другого. Что до первого, то примечательно, как эти пещеры потенциалов, когда не опорожнены, небеспорочны и не вычищены ото всех аффектов тварных, не ощущают великой пустоты своей глубочайшей ёмкости, потому что в сей жизни какая-нибудь вещица, которая к ним прилепляется, бывает достаточной, чтобы так загрозоздить и заморочить их, что не чувствуют своего дарования, ни тоскуют по своим безмерным благам, ни познают свою способность. И удивительная вещь, что будучи вместилищами бесконечных благ, довольствуются меньшим из них, которое перегружает их таким образом, что не могут ничего воспринимать вплоть до полного опорожнения, как мы только что сказали; когда же становятся пустыми и вычищенными, наступают непереносимые жажда, голод и томление чувства духовного. Ибо, поскольку глубоки суть желудки сих пещер, глубоко и страдают, потому что яство, о котором тоскуют, также глубоко, яко есть Бог, как мы сказали. И такое великое прочувствование обычно случается в конце просвещения и очищения души, перед достижением единения, где уже удовлетворяется; потому что, как желание духовное бывает опустошённым и очищенным от всего тварного и вожделения к нему, и, утратив храм природный, становится склонным к божественному и имеет уже полость готовой, и, поскольку всё ещё не сообщается с божественным в союзе с Богом, приходит к страданию этой полости и к жажде смертельной, главным образом когда через некие щели и отблески пробивается какой-нибудь луч божественный к ней, но не сообщается ей божественного в единении с Богом. И таковые суть те, кто терзаются любовью нетерпеливо, яко не могут пребывать долго без приятия или смерти.

19. Что до первой пещеры, которую здесь полагаем, и которая есть разумение, её пустота есть жажда Бога, и она так велика, когда он, сиречь разум, подготовлен; каковую (жажду) сравнивает Давид с ланью, не находя иного лучшего сравнения для нея, ибо о ней говорят, будто она зело пылка, молвя: *Как лань стремится к источникам вод, так моя душа стремится к Тебе, Боже* (Пс. 41,1). И жажда эта – о водах премудрости Божией, которая есть предмет разума.

20. Вторая пещера есть воля, и пустота её есть голод по Богу столь великий, что ослабляет душу, в согласии с чем молвит также Давид, говоря: *Алчет и ослабела душа моя к кушам Господним* (Пс. 83,3). И голод сей – о совершенной любви, на которую претендует душа.

21. Третья пещера есть память, и пустота её есть разрушение и расплавление души, ради обладания Богом, как замечает то Иеремия, говоря: *memoria memor ero et tabescet in me anima mea*; то есть: Как только памятью мне напомнит, и о Нём много мне напомнит, плавится душа моя во мне (Плач 3,20); вороша вещи эти в сердце моём, оживает в надежде о Боге.

22. Велика, стало быть, ёмкость сих пещер, ибо то, что может в них содержаться, что есть Бог, есть глубина бесконечной благодати; и так будет известным образом её ёмкость бесконечна, и так жажда её будет бесконечна, и голод её также глубок и бесконечен, её разрушение и мука смертно бесконечны. Что, хотя и не претерпевается так интенсивно, как в другой жизни, однако претерпевается некий живой образ сего бесконечного лишения, ради приведения души в определённое расположение, чтобы воспринять его полностью. Хотя это страдание и другой температуры, потому что бывает в лонах любящей воли, что не приводит к облегчению наказания, так как, чем сильнее любовь, тем больше нетерпение к присвоению Бога, которого ожидает моментами сильнейшего алкания.

23. Но, убей меня Бог!, ибо истина есть, что, когда душа желает к Богу со всецелою правдой, имеет уже то, что любит, как говорит Св. Григорий о Св. Иоанне: как терзаешься о том, что уже имеешь? Ибо в желании, как молвит Св. Пётр, имеете ангелов, видящих сына Божия (I I 12), и нет никакого терзания или страстного томления, потому что уже имеете [желаемое]; итак, мнится, что ежели душа насколько сильнее жаждет Бога, настолько же более Им обладает – а владение Богом дарует радость и удовлетворение душе,

как ангелам, которые, имея желание своё исполненным в обладании, радуются, будучи всегда сытыми душою в желаниях их, без пресыщения, — из-за чего, поскольку не имеют пресыщения, всегда желают, а поскольку обладают, не терзаются, — то тем большие насыщение и радость чувствует душа здесь в сём желании, ибо тем больше имеет о Боге, а не о скорби и страдании.

24. В сём вопросе становится хорошо заметной разница, которая имеется между обладанием Богом в себе только по милости и обладанием Им также посредством единения; яко первое есть сильная любовь, а второе есть также общение; что есть та же разница, как между помолвкой и браком. Потому что в помолвке имеется только обоюдное "да" и одна только воля обеих сторон, и наряд и убранство обрученной, которые милостиво дарит ей жених; тогда как в браке имеется также общение лиц друг с другом и соединение. А в помолвке, хотя иные разы жених посещает невесту и даёт ей подарки, как говорим, однако нет ни соединения лиц, ни цели помолвки.

25. Не больше, ни меньше, когда душа достигает такой чистоты в себе и в своих потенциях, что воля становится зело чистой и очищенной от других вкусов и похотений чуждых, соответственно части нижней и верхней, и вполне даровано ей "да", касательно всего в Боге, ощущая уже волю Божию и души единой в согласии подлинном и свободном, достигши обладания Богом посредством милости о воле, всего того, чего возможно [достигнуть] на пути воли и милости. И это Бог дарует на её [сиречь воли] "да" Своё истинное "Да" и полноту Своей милости. И сие есть высокое состояние помолвки духовной души со Словом, в котором Супруг творит ей великие милости и любезнейше посещает её многаяжды, во время каковых визитов воспринимает она великие радости и улады. Которые, однако, не идут в сравнение с теми, что получает в браке; так что, хотя истина есть, что сие происходит в душе, очищенной ото всех аффектов тварных — потому что без этого не происходит помолвки духовной (как говорим), — душе всё ещё необходимы другие положительные расположения о Боге, Его посещениях и дарах, в которых она ещё больше очищается и приукрашается и утончается, через что бывает достойно приуготовлена для такого высокого союза. И на это потребно время, для одних большее, для других меньшее, потому что Бог творит сие соответственно особенностям души. И это изображено посредством тех девственников, что были отобраны для царя Артаксеркса, и которые, хотя и вывезены были уже из своих земель и домов их отцов, всё же, прежде чем их привели на ложе к царю, держали один год — хотя во дворце — взаперти, так что в течение полугода были приуготовляемы определёнными благовониями из мирра и других ароматов, а вторые полгода другими благовониями, более тонкими, и после этого восходили на царское ложе (Эсф. 2).

26. Во время, стало быть, этой помолвки и ожидания брака в притираниях Духа Свята, когда суть более высокие ароматы приуготовления к союзу с Богом, обычно томления пещер души предельны и тонки. Потому как эти благовония суть уже более близкие приготовления к единению с Богом — потому что суть более близки Богу, и через то направляют душу и более тонко прельщают её о Боге, — и есть желание более тонкое и глубокое, ибо желание Бога есть приготовление для соединения себя с Богом.

27. О, какое же доброе место это было для наблюдения за душами, которых Бог вводит в сии тонкие притирания, чтобы видеть то, что делают, и в чьи руки полагаются,

отчего не ворочаются назад, но это не входит в наше намерение, ради которого ведём сию речь. Но таковы сострадание и жалость, которые привносятся в моё сердце созерцанием душ ворочающихся вспять, не только не оставляющих себе помазания способом, которым происходит умащение впереди, но даже губящих действия умащения, что не перестаю следить за ними здесь в том, что должны они делать, дабы избежать такого дара, хотя мы и задерживаемся малость в возвращении к нашему предмету (так что тотчас ворочаюсь к нему), хотя все это ведёт к знанию особенностей этих пещер. И чтобы быть более востребованным, не только для тех душ, которые так преуспевают, но также для всех остальных, которые ищут своего Возлюбленного, хочу говорить об этом.

28. Что касается первого, следует знать, что ежели душа ищет Бога, то много больше Возлюбленный ищет её; и, ежели она воссылает к Нему свои любовные желания, то они так душисты для Него, как струйка дыма, что исходит от пряностей ароматических мирра и ладана (Песн. 3.6). Он же посылает ей запах своих благовоний, которыми притягивает её и понуждает бежать к Нему (там же, 1.3), которые суть его божественные вдохновения и касания; каковые, ежели суть Его, всегда препоясаны и окормляемы мотивом совершенства закона Божия и веры, ради какового совершенства должна душа идти, всегда всё больше становясь Богом. И так должна разуместь душа что желание Бога во всех милостях, кои творит Он во втираниях и запахах Его благовоний, состоит в том, чтобы уготовить её для других, более возвышенных и тонких ароматов, более гармоничных Богу, вплоть до того, что приходит в столь деликатное и чистое расположение, что заслуживает единения с Богом и субстанциального преображения во всех своих потенциях.

29. Стало быть, душа, приметившая, яко в деле сём Бог есть начальный деятель и поводырь слепца, который должен вести её за руку туда, куда она не знает, как идти, то есть к вещам сверхъестественным, которых не может её разум, ни вода, ни память знать, каковы суть, и вся её главная забота состоит в том, чтобы наблюдать, дабы не полагать препятствия тому, что ведёт её по пути, на котором Бог приказывает ей в совершенстве закона Божия и веры, как говорим. И это препятствие может возникнуть на пути её, ежели она позволит другому слепому вести и направлять себя. А слепцы, которые способны сбить её с пути, суть трое, а именно: духовный наставник, бес и она сама. И чтобы душа поняла, как это бывает, рассмотрим вmale каждого из них.

30. Что до первого [слепца], то чрезвычайно важно душе, которая хочет продвигаться вперёд в собранности и совершенстве, наблюдать в кои руки полагает себя, ибо каков учитель, таким будет и ученик, и каков отец, таков и сын; и напоминать себе, что для этой дороги, по меньшей мере для наиболее возвышенной её части, и даже для средней, насилу найдётся подходящий проводник, адекватный всем её частям, потому что, кроме нужды быть ему мудрым и сдержанным, должен ещё быть опытным. Потому что, для ведения за собой духа, хотя бы он /сиречь, учитель/ был основательно знающим и осмотрительным, ежели не имеет опыта в том, что есть дух чистый и истинный, не успеет в направлении души в нём, если даже Бог дарует это, ни даже уразумеет сего.

31. Таким способом множество наставников духовных творят многие прибитки многим душам, ибо, не разумея путей и особенностей духа, обычно губят в душах помазание этих тонких благовоний, которыми Дух Свят помазывает и приуготовляет их для Себя, научая их другим низким умениям и деланиям, которые они сами использовали или читали о них, из того, что под рукою, и которые не служат более, чем начинающим. Яко, не зная большего, чем предназначенное для них [сиречь, начинающих] (и о том ещё надо Бога молить), не хотят позволить душам пройти (хотя Бог хочет их возвысить) к большему, чем начальные способы лексические и воображительные, потому что никогда не превосходили и не покидали способностей естественных, с помощью которых весьма малое богатство может приобрести душа.

32. И чтобы нам лучше понять это положение начинающих, следует знать, что стадия и практика начинающих есть медитация и совершение актов и упражнений речевых с воображением. В этой стадии необходимо душе, чтобы ей давался материал для размышления и обсуждения, и ей нужно самой совершать деяния внутренние и пользоваться вкусом и соком чувственным в вещах духовных, через что, утоляя вожделение вкусом вещей духовных, она изгоняет вкус вещей чувственных и ослабевает к вещам века сего. Но, когда уже аппетит несколько утолён и приучен к вещам духа, некоторым образом, с известной силой и постоянством, тотчас начинает Бог, как говорим, отнимать душу от груди и полагать её в стадию созерцания, что с иными лицами происходит обычно довольно скоро, главным образом с людьми набожными, потому что, весьма скоро оставляя вещи века сего, они приспособливают к Богу чувства и вожделения и упражняются в духе, так что Богу хорошо вершить в них своё делание; сие бывает, когда уже прекращены акты рече-

вые и мыслительные самой души и ослабили начальные соки и пылкости чувственные, так что она не может уже ни размышлять, как прежде, ни находить опоры в чувстве, оставляя его в сухости, поскольку его заменяет ей имущество духовное, которого не приносит чувство. И, так как естественно, что все операции, которые может сама по себе совершать душа, не могут быть иными, кроме как чувственными, отсюда следует, яко на этой стадии уже Бог является деятельным, а душа страдательной; потому что она есть только та, что воспринимает, и только та, в ком творится, а Бог есть тот, кто даёт, и тот, кто в ней действует, даруя ей блага духовные в созерцании, которое есть соединённое понятие и любовь божественные, то есть понятие любовное, без того, чтобы душа пользовалась своими действиями и логосами естественными, так как не может уже входить в них, как раньше.

33. Откуда в сие время в целом должно душе претерпевать иным способом, противоположным начальному; так как если раньше ей давался материал для размышления и она размышляла, то теперь она это оставила и не размышляет, потому что, как говорю, не сможет, даже если захочет, и вместо собирания расстроит себя; и если ранее искала сока и любви, и жара, и находила их, уже не хочет их и не ищет, потому что не только не найдет их в своём усердии, но скорее обретёт сухость, потому что отдалится от блага мирного и оставит то, что втайне даровалось ей в духе, из делания, которое она хочет вершить посредством чувства; и так, погубивши одно, не делает другого, ибо ей уже не даётся благо через чувство, как то было раньше. И через то, на этой стадии никоим образом не должно ей навязывать что-либо для размышления и упражнения деятельного, ни добиваться вкуса или пыла, поскольку положит этим препятствие главному деятелю, которым, как говорю, является Бог. каковой втайне и мирно полагает на душу мудрость и понятие любовное, без конкретизации действий - хотя иной раз уточняет их в душе на какое-то время; итак, душа тогда также должна идти с любовной осмотрительностью только к Богу, без уточнения действий, ведя себя, как мы сказали, пассивно, не прилагая от себя усердия, с определённой и осмотрительностью любовной [простой и бесхитростной], как тот, кому отверзаны очи с любовным вниманием.

34. Так как, стало быть, Бог тогда в способе одаривания обращается с душой посредством понятия бесхитростного и любовного, также душа общается с Ним в способе восприятия, окормляемого понятием и вниманием бесхитростным и любовным, для того, чтобы так соединились понятие с понятием и любовь с любовью. Потому что нужно, чтобы тот, кто воспринимает, вёл себя соответственно тому, что воспринимает, а не иным образом, чтобы смочь воспрять и удержать его, как оно даётся, ибо, как говорят философы, всякая воспринимаемая вещь бытует в воспринимающем в том виде, каков воспринимающий. Откуда ясно, яко, ежели душа тогда не оставит своего естественного способа активности, то не воспримет никакого блага иначе, как способом естественным, и так не воспримет [истинного блага], но останется уже только с естественной деятельностью; потому что сверхъестественное не вмещается в способ естественный, и нет между ними никакого сравнения. Итак, в целом, если душа хочет тогда действовать от себя, ведя себя больше способом отличным от любовного внимания пассивного, которое, как мы сказали, зело пассивно и умиротворённо, без совершения актов естественных, — если только не когда Бог соединяется с каким-нибудь из них, — то положит препятствие благам, которые Бог ей сообщает в понятии любовном. Что поначалу случается в исполнении очищения внутреннего, в котором претерпевает, как мы сказали выше, и затем, в нежности любви. Каковое понятие любовное, как говорю, и как оно поистине есть, воспринимается пассивно в душе путём сверхъестественным Божьим, а не путём естественным души, откуда следует, яко для принятия его должно душе стать зело уничтоженной в её деятельностях естественных, избавленной, освобожденной, успокоенной, умиротворённой и ясной о Бозе: в точности подобно воздуху, каковой, насколько более очищен бывает от испарений, насколько более невозмущён и спокоен, настолько сильнее просвещает и нагревает его солнце. Откуда, душа не должна ни во что пускать корней: ни в упражнение размышления, ни в речь, ни в какой-либо вкус, будь то чувственный или духовный, ни в какие-либо

иные деятельности, потому что потребен дух столь свободный и разрушенный относительно всего, что любая вещь мыслимая или проговариваемая, или вкушаемая, на которую душа в сей час хочет опереться, ей воспрепятствует и беспокоит, и нарушит глубокую тишину, которая необходима душе, – как в части чувства, так и в части духа, – для столь глубокого и тонкого слышания., творимого Богом сердцу в сём значительном уединении, о чём молвил через Осию (2. 14), и полном мире и успокоении, когда душа внимает и прислушивается к тому, что говорит Бог и Господь в ней, подобно Давиду (Пс. 84.9). потому что говорит мир в этом уединении.

35. Постольку, когда случится, что этим способом ощутит себя душа помещённой в тишину и [слышание], то даже упражнение внимания любовного, о котором говорил, должна забыть, чтобы стать свободной для того, чего в тот момент хочет от нея Господь; потому что сказанное любовное внимание должно использовать, только когда не ощущает себя помещённой в одиночество и праздность внутреннюю, и забытьё или слышание духовное; каковое, чтобы знала, всегда, если происходит, бывает с покоем умиротворённым и поглощённостью внутренней

36. Постольку, во всю ту пору и время, в которое душа уже начинает входить в это безмятежное и праздное состояние созерцания, которое наступает, когда уже не может размышлять и не достигает успеха в попытках делать это, не должна желать тащить перед собой мыслимое, ни опираться на сок или вкусы духовные, но - пребывать на ногах без опоры, отпустивши дух ото всего и вся, как молвил Аввакум о том, что должен был сделать для того чтобы слышать то, что скажет Господь: Останусь - говорит - на ногах на страже, и утвержу шаг мой над снаряжением моим, и узрю то, что скажет мне (Авв. 2.1). И это, как если бы сказал: Вознесу мой ум надо всеми деятельностями и понятиями, которые могут запасть в мои чувства, и над тем, что они могут хранить и удерживать в себе, оставив всё это внизу; и утвержу шаг снаряжения [моих потенций], не позволяя им собственных действий, чтобы смогли воспринять в созерцании то, что сообщается мне Богом; ибо мы уже сказали, что созерцание чистое состоит в приятии.

37. Невозможно, чтобы сия высочайшая мудрость и язык Божий, который есть созерцание, мог восприняться меньшим, нежели дух молчаливый и отклонивший вкусы и понятия лексические, ибо так говорит об этом Исайя в следующих словах, молвя: *Кого научит ведению и чей разум сделает слышащим?* И отвечает: *Отнятых от молока и отклонившихся от персей* (28,9), то есть от понятий и схватываний частных.

38. Оставь, о душа одуховленная! соринки и шерстинки, и замутнения, и очисти око, и засветит тебе солнце, и увидишь ясно. Положи душу в мире, извлеки её и освободи от ярма и рабства слабой деятельности её потенций, которая есть плен египетский (где всё есть немногим большее, чем собирание соломы для обжига глины), и веди её, о, духовный учитель! к земле обетованной, текущей молоком и мёдом; и погляди, как ради этой свободы и праздности сынов Божиих зовёт её Бог в пустыню, в которой она ходит одетая в платье праздничное, убранное драгоценностями из золота и серебра, уже покинувшая Египет, оставившая пустоту его богатств (Исх. 12.35), которая есть часть чувственная, и не только это, но потопившая [цыган] (там же, 14,27-28) в море созерцания, где цыган чувства, не обретя ни подножия, ни опоры, утопает и оставляет свободным сына Божия, каковой есть дух, убежавший пределов и рабства деятельности чувств, то есть своего малого разума, своего низкого чувствования, своей нищей любви и удовольствия, ради того, чтобы Бог даровал ему сладкой манны (там же, 16,14), чей вкус, хотя содержит в себе все вкусы и смаки, в которые ты хочешь привести душу, утруждая её, вместе с тем, будучи столь тонки, что разрушаются во рту, не ощущаются, ежели соединяются с другим вкусом или другой вещью. Стало быть, когда душа достигает этого состояния, то заботится об отклонении всех вожделений соков, вкусов, смаков и размышлений духовных и не беспокоит её вниманием и заботой о чём-либо горнем и, ещё менее, дольнем, полагая её в полное отчуждение и насколько возможное одиночество; потому что, чем в большем сие достигается и чем более быстро приходит в это досужее успокоение, тем более изобильно внедря-

ется в дух божественная премудрость, что есть любовность, успокоение, уединённость, умиротворение, нежность и опьянение духа, в котором чувствует себя уязвлённой и похищенной нежно и кротко, не зная, кем и откуда, и как. Причиной же сему то, что сообщается без собственной деятельности.

39. И самая малость из того, что Бог творит в душе в этой святой праздности и одиночестве, есть неоценимое благо, иной раз много большее того, о чём душа или тот, кто заботится о ней, могут помыслить; и хотя тогда не так бросается в глаза, высвечивается в свое время. Меньшее из того, что сможет почувствовать душа, есть отчуждение и ostranenie, иной раз меньшее, иной раз большее, относительно всех вещей, с наклонностью к уединению и отвращением ото всех тварностей века сего, в надежде кроткой любви и жизни в духе. В котором всё, что не является таковым ostraneniem, делается безвкусным, ибо, как говорят, вкушающему дух безвкусна всякая плоть.

40. Однако, блага, которые это скрытное общение и созерцание оставляет запечатленными в душе, без того, чтобы она ощутила это тогда, как говорю, суть неоценимы, ибо суть помазания таинственнейшие и постольку тончайшие Духа Свята, которые тайно прибывают в душу, чтобы наполнить её богатствами, дарами и милостями духовными, потому как, знамо, Бог сие творит, значит творит не меньше, чем достойно Бога.

41. Эти помазания и нюансы Духа Свята суть так деликатны и возвышенны, что из-за их тонкости и их сублимной чистоты, ни душа, ни тот, кто печётся о ней, не понимает их, но только тот, кто налагает их, чтобы лучше утешиться ею, и с величайшей лёгкостью, не более, чем малейшим действием, которое тогда душа хочет иметь и вершить посредством своей памяти или разума, или воли, или приложением чувства, или вожеления, или понятия, или сока, или вкуса, они возмущаются или препятствуются в душе, каковое есть тяжкий вред и скорбь, и сетование велие.

42. О, случай тяжкий и многоудивительный, яко, не обнаруживая вреда, ни почти ничего из того, что вкладывается в эти святые помазания, имеет тогда больший вред и достойна большей скорби и сострадания, нежели имеем о смущении и вбрасывании в погибель многих душ тех других общин, которые не пребывают в состоянии столь возвышенного блеска и оттенка! Точно так, как если бы некоего лика выдающегося тонкого письма коснулась бы некая грубая рука с низкими и грубыми красками, то был оттого больший вред и более знатный и более сожальный, чем если бы зачёркнуты были многие лики обычного письма; ибо руку столь деликатную, каковая у Духа Свята, если её собьёт какая-то грубая рука, кто поправит её?

43. И, несмотря на то, что вред сей зело велик и тяжек, так что невозможно его переоценить, случается он так обычно и часто, что насилу найдётся один духовный наставник, который бы не причинил его душам, которых начинает Бог сосредотачивать в этом способе созерцания. Ибо, всякий раз, как помазывает Бог душу созерцательную неким помазанием, более тонким, чем понятие любовное, ясное, мирное, уединённое, более чуждое чувству и тому, о чём можно думать, с которым [помазанием] невозможно ни размышлять, ни думать о какой-либо вещи, ни вкушать вещей, как горних, так и дольних (поскольку Бог занимает её в исключительном союзе, наклоня к праздности и уединению), приходит она к наставнику духовному, который не знает иного, чем бить и ковать с помощью потенции, ровно кузнец, и, оттого, что он не учит большему, чем это, и не знает большего, чем размышлять, говорит ей: "Иди, оставь сии отдохновения, которые суть праздность и трата времени; но наберись [сил] и размышляй, и верши акты внутренние, ибо нужно, чтобы сделала со своей стороны то, что есть в тебе, иное же есть пьянство и лентяйство.

44. Итак, не разумея ступеней молитвы, ни путей духа, они не обращают внимания на то, что иные действия, которые они говорят, чтобы творила душа, и которые, хотят, чтобы протекали с рассуждающей речью, уже совершены, так как сия душа уже достигла отрицания и немоты чувства и речи, и вступила уже на путь духа, который есть созерцание, в каковом прекращаются деятельности чувства и речи самой души, и только Бог яв-

ляется деятелем, и это Он - тот, кто молвит тогда втайне душе уединённой и молчащей; и вот, если тогда душа, достигшая духа способом, о котором говорим, от неё хотят, чтобы она все ещё продолжала с помощью чувства, что должно воротить её вспять и рассеять; потому что достигший конца, если полагается всё ещё продвигающимся к концу, помимо бывания смешным, поневоле должен отдалиться от конца. Итак, достигши посредством деятельности потенций той спокойной собранности, на которую претендует всякий духовный, в которой прекращается деятельность этих самых потенций, будет не только тщетой возвращаться к действиям тех же потенций, для достижения сказанной сосредоточенности, но будет то вредным, поскольку способствует рассеянности, оставивши собранность, которую уже имела.

45. Таковые духовные наставники, стало быть, не разумея, как говорю, что за штука сии собранность и одиночество духовное души, ни (что суть) особенности их, - в каком одиночестве вкладывает Бог в душу возвышенные помазания, - налагают на них [или вставляют между] другие благовония более низкого духовного упражнения, которое заставляют душу исполнять, как мы сказали. Что отличается от того, что душа имела, настолько, насколько дела человеческие от дел Божиих, и естественное от сверхъестественного; потому что одним способом действует Бог, сверхъестественно, в душе, и другим действует самостоятельная душа, естественно. И ещё хуже то, что, совершая свои естественные отправления и действия, губит уединение и собранность внутреннюю и, как следствие, возвышенную работу, которую в душе вершит Бог; итак, всё это значит нести в кузницу молот, нанося ущерб одному и не получая пользы от другого.

46. Да заметят те, кто ведут души, и рассудят, яко главным действующим лицом и вожатым и двигателем душ в сём деле являются не они, но Дух Свят, никогда не теряющий заботы о них; они же [сиречь водители] суть только инструменты для наставления в вере и законе Божиим, соответственно духу, коим Бог одаривает всякую [душу]. Итак, вся их забота состоит не в приспособлении душ к своему способу и характеру, но в том, чтобы видеть путь, и по какой дороге ведёт их Бог, а ежели не знают, то оставить их и не мешать. А. приладившись к пути и духу, которыми их Бог ведёт, озаботились бы наставлять их в большем уединении и успокоении и освобождении духа, давая им простор, для того чтобы не привязывали чувства телесного и духовного к какой-либо особенной вещи внутренней или внешней, когда Бог проводит их к этому уединению, и не терзались бы и не думали, яко ничего не делают. Душа тогда, хотя и не творит ничего, Бог творит в ней. Пусть озаботятся тем, чтобы не препятствовать душе и поместить её в уединение и праздность, способом, не привязанным к какому-либо понятию горнему или дольному, без алкания какого-либо сока или вкуса, либо какого-либо иного схватывания; способом, который опорожнен в отрицании чистом ото всякой твари, положенным в нищете духовной. И сие есть то, что должна творить душа со своей стороны, как советует то Сын Божий, говоря: *Кто не отвержется всех вещей, которыми обладает, не сможет быть моим учеником* (Лк. 14.33). Под чем разумеется не только отрицание вещей телесных и преходящих, но и отказ от собственности духовной, в котором состоит нищета духовная, в которой полагает блаженного Сын Божий (Мт.5,3). И, опорожняясь таким образом ото всех вещей, душа становится пустой и лишённой собственности относительно них, что есть, как мы сказали, то, что может сделать душа; невозможно же, чтобы, когда она сделает всё со своей стороны, чтобы Бог не сделал бы должного со своей стороны, сообщаясь ей. по меньшей мере в молчании и тайне. Невозможнее того, чтобы луч солнечный не осветил бы места прозрачного и не затенённого; ибо точно так, как солнце встаёт рано поутру, чтобы войти в твой дом, ежели раскроешь окно для него, так и Бог, который не заснет на страже Израиля, не вздремнет (Пс. 120.4), войдёт в душу не загромождённую и наполнит её божественными благами.

47. Бог будет подобен солнцу над душами, чтобы уделить себя им. Да возрадуются те, кто ведёт их в расположение к тому, согласно совершенству евангелическому, состоящему в совлечённости и пустоте чувства и духа, да не возжелают продвигаться далее в со-

зидании, так как эта должность принадлежит исключительно (Отцу светов, от которого нисходит всякое даяние доброе и дар совершенный (Иак. 1.1 7). Потому что, ежели Господь, как молвит Давид, не возводит дома, понапрасну трудится строитель его (Пс. 126,1). И, стало быть, раз Он искусник сверхъестественный, Он строит сверхъестественно в каждой душе здание, какое захочет, если ты душу расположишь, озаботившись об её уничтожении в части всех её действий и аффектов естественных, с каковыми душа не имеет ни способности, ни силы для созидания сверхъестественного, но скорее помешает таковому, нежели поможет. И привести в душу сие приуготовление есть твоя обязанность; а Божья, как молвит Мудрец, есть выправить стези ее (Пртч. 16,9); нужно понимать, ко благам сверхъестественным, – путями и способами, которых ни ты, ни душа не понимаете. Посему не восклицай: "О, яко не продвигается душа вперёд, оттого что ничего не делает!": потому что, если истина есть, яко не творит ничего, тем самым, что не творит ничего, я докажу тебе здесь, яко творит много, поскольку, ежели разум опорожняется от частных интеллигенции, хоть естественных, хоть духовных, то продвигается вперёд, и чем больше опустошается от частных интеллигенции и актов разумения, тем больше продвигается вперёд разум, направляясь к высшему благу сверхъестественному.

48. "О - скажешь - поскольку не понимает ничего определённого, то не сможет продвигаться вперёд!" Скорее, говорю тебе, что ежели разумеешь частности, не продвинешься вперёд. Причина сему та, что поскольку Бог, о котором идёт уразумение, превосходит самоё разумение, и таким образом неухватен и недоступен разуму; и, постольку, когда разум разумеет, он не достигает Бога, но скорее отделяется от Него. Итак, скорее должно отделить разум от него самого и его интеллигенции, чтобы достичь Бога, направляясь в вере, доверяя, а не разумея. И таким способом достигает разум совершенства, потому что помощью веры, а не иных средств, соединяется с Богом; а к Богу приходит душа, больше не понимая, чем понимая. И. поэтому не мучай себя этим, что если разум не ворочается вспять, - что было бы, ежели захотел воспользоваться понятиями определёнными и прочими рассуждениями и разумениями, вместо того, чтобы хотеть оставаться праздным, - а продвигается вперёд, так как опустошается ото всего, что может заключать в себе, ибо ничто из этого не есть Бог, поскольку, как сказали. Бог не может заключаться в сердце занятием [другим]. В этом роде совершенства он не ворочается вспять, ежели идёт вперёд, и для разума идти вперёд означает идти более полагаясь на веру, и таким образом идти больше затемнённым, потому что вера есть мрак разума. Откуда, поелику разум не может знать, что есть Бог, необходимо направляться к Нему, покорившись, а не разумея; итак, поэтому идёт, не разумея, и для благополучия ему нужно то, что ты порицаешь, а именно, не пользоваться различёнными интеллигенциями, так как с ними невозможно достичь Бога, но скорее помешать себе идти к Нему.

49. «О, - скажешь, - ведь ежели разум не разумеет различение, воля останется досужей и не полюбит, что всегда должно [творить] на пути духовном! Причиной же сему то, что воля не может любить, если нет того, что разумеет разум». Это является правдой, главным образом в операциях и действиях естественных души, в которых воля любит лишь то, что, различая, понимает разум; однако в созерцании, о котором говорим, посредством какового Бог, как мы сказали, вносит в душу от Себя, нет нужды в том, чтобы иметь различённые понятия, ни в том, чтобы душа совершала умственные действия; ибо в едином акте Бог сообщает ей свет и любовь соединённо, что есть сверхъестественное понятие любовное, о котором можем сказать, яко подобно свету тёплому, который согревает, потому что свет сей вместе с тем влюбляет; а это есть смущение и затемнение разума, так как понятие созерцательное есть, как говорит Святой Дионисий, луч мрака для разума. Постольку, тем же способом, каким интеллигенция присутствует в разуме, любовь присутствует в воле; так как понятие, которое вносит в разум Бог, является общим и тёмным, без различения умных вещей, также и воля любит в общем, без различения какой-либо вещи разумеемой. Что, поскольку Бог есть божественный свет и любовь, в сообщении, кое творит от Себя душе, равно наполняет эти две потенции: разум и волю, –интеллигенцией

и любовью; и, поскольку Сам Он не является умопостижимым в сей жизни, интеллигенция темна, как говорю, и такова же любовь воли. Хотя иной раз в сём утончённом сообщении Бог более сообщает Себя и более задевает одну потенцию, чем другую, потому что иной раз больше чувствуется интеллигенция, чем любовь, а другой раз - больше любовь, чем интеллигенция, а иногда - только интеллигенция, безо всякой любви, иногда же - всё любовь, без какой-либо интеллигенции. Потому говорю, что в том, что совершается душой в естественных актах с помощью разума, невозможно любить без понимания; но в том, что Бог творит и внедряет в неё, как в обсуждаемом нами случае, дело обстоит иначе, потому что Бог может сообщаться в одной потенции без другой: и так [может] воспламенять волю касанием жара Своей любви, хотя и не понимаемой разумом, точно так, как кто-либо мог быть согреваем огнём, не видя самого огня.

50. Таким образом, воля многожды ощущает себя воспламенённой или умилённой и влюблённой, без того, чтобы узнать или уразуметь какую-то особенную вещь, так как Бог распорядился в ней любовью, как молвит то супруга в Песнях, говоря: *Вводил меня царь в погреб винный и приказывал во мне нежность* (2,4). Откуда, не следует бояться праздности воли в этом случае, так как, ежели от себя престаёт творить акты любви, окормляемые частными понятиями, творит их Бог в ней, тайно опьяняя её вливаемой любовью, или посредством понятий созерцательных, или без таковых, как мы только что сказали; каковые [акты] суть настолько более смачны и достойны хвалы, чем те которые она творила бы, насколько лучше есть движитель и вливатель сей любви, который есть Бог.

51. Сию любовь вливает Бог в волю, опорожненную и отреченную от других вкусов и аффектов частных верхних и нижних. Через то да озаботится тем, чтобы воля была пуста и отречена от своих аффектов, яко, ежели не ворочается вспять, желая вкушать какой-либо вкус или сок, хотя в частности не ощущает его в Боге, продвигается вперёд, возвышаясь надо всеми вещами к Богу, так как никакую вещь не смакует. А Бога, хотя не вкушает Его в частности и различении, ни любит Его в каком-то особенном акте, вкушает Его в сём общем и тайном влиянии более, чем во всех различённых вещах, ибо тогда видит ясно, что ничто не даёт ей такого смака, как сказанное покойное уединение; и любит Его поверх всех вещей, могущих быть возлюбленными, потому что все прочие соки - вкусы их всех имеет отверженными, и ей они суть безвкусны. Итак, не должна терпеть наказания, яко, ежели воля не может удовлетвориться во вкусах и соках актов особенных, продвигается вперёд; ибо. не ворочаться вспять, обнимая нечто чувственное, значит идти вперёд к невоспринимаемому, которое есть Бог. Итак, сие не есть чудо, что не чувствует Его Итак, воля движения к Богу больше должна быть лишённой опоры на всякую вещь усладительную и вкусную, на которую опиралась; и так добре исполниться заветом любви, который есть любить Бога надо всеми вещами; чего не может быть без обнажения и опорожнения во всех них.

52. Не следует также бояться того, что память опорожняется от своих форм и фигур, яко, поскольку Бог не имеет ни формы, ни фигуры, безопасно опорожняется от форм и фигур и больше приближается к Богу; потому что, чем более опирается на воображение, тем более отдаляется от Бога и идёт с большей опасностью, потому как Бог, будучи непознаваемым, не содержится в воображении.

53. Эти наставники духовные, не понимая, стало быть, душ, которые предаются сказанному созерцанию, спокойному и уединённому, потому что не достигли его сами, не зная, что штука в том, чтобы выйти из дискурсов и размышлений, как я сказал, думают, будто они, бездельничают, и препятствуют им, и нарушают мир созерцания тихого и отдохновенного, который от Себя дарует им Бог, заставляя идти по пути размышления и представляющего дискурса, и чтобы совершали действия внутренние; в которых обретают тогда сказанные души крайнее несоответствие, сухость и расстройство, потому что желают оставаться в своём святом досуге и собранности, спокойной и умиротворённой. В каковых, — потому как чувство не находит вкушения, ни ухватывания, ни делания, — [эти наставники] убеждают их также, чтобы они озаботились бы о соках и пылах, тогда как хоте-

лось бы, чтобы советовали противоположное: ведь невозможно им ни делать, ни войти в то, что было раньше (потому что прошло уже это время, и не есть это их путь), – тревожась дважды: думая, что потерялись, и ещё наставники помогают им верить в это; и, иссушая дух и лишаясь драгоценных помазаний, кои в единении и покое Бог на них полагает, – и это, как говорил, есть великий вред, – и полагают их в горе и тину, так как они для одного потеряны, и в другом страдают без пользы.

54. Не ведают они, что такое дух. и творят великую несправедливость Богу и непочтительность, суя свою грубую руку туда, где Бог работает; ибо многого это стоило Богу, довести эти души досюда; и Он очень ценит то, чтобы иметь их в этой уединённости и пустоте их потенциалов и деятельностей, чтобы иметь возможность вещать сердцам их, что всегда было предметом Его желаний, взявши уже душу за руку, чувствуя, что Он уже царит в душе изобилием мира и успокоения, ослабивши естественные действия потенциалов, трудясь которыми всю ночь, ничего не сотворила, упасаемых уже духом, без деятельности чувства, потому что чувство и его работа не вмещают духа.

55. А касательно того, что Он ценит это спокойствие и усыпление или отдаление чувства, обращается внимание в мольбе, столь значительной и настоятельной, которую сказал в Песнях, говоря: *Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями, не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно* (3,5); чем даёт понять, насколько любит засыпание и забытие уединённое, так как вставляет [сюда] этих животных, таких уединённых и удалённых. Однако эти духовники не хотят, чтобы душа отдыхала или покоилась, но чтобы всё время грудилась и работала, таким способом, что нет места Богу потрудиться, и так, что производимое Им разрушается и зачёркивается деятельностью души, выпускающей *лисенят, срывающих цвет лозы душевной* (Песн. 2,15). И за это жалуется Господь через Исаяю, говоря: *Вы опустошили мой виноградник* (3.14).

56. Они, однако, блуждают, по случаю, с изрядным рвением, потому что немногого знания себя достигли. Но это не извиняет их в их безрассудных советах, которые дают без начального разумения пути и духа, ведущего душу, и, не разумея его, вмешиваются своей грубой рукой в вещи, которых не понимают, вместо того, чтобы оставить их тому, кто понимает. Что не является вещью маловажной и малой виной – быть причиной потери душой неоценимых благ, а иной раз и оставить её изрядно повреждённой своим безрассудным советом. Итак, тот, кто безрассудно блуждает, будучи обязанным соответствовать, всякий раз, как пребывает при исполнении своей должности, не избежит наказания, пропорционального ущербу, который нанёс. Потому что дела Божии надлежит рассматривать с большой осторожностью и очами зело отверстыми, тем более в вещах таковой важности, и в деле, столь возвышенном, как сказанные души, где ставкой служат бесконечные прибыли, если попадаешь в цель, и бесконечные потери, если мажешь.

57. Но ты уже хочешь сказать, яко имеешь некие извинения (которых я не вижу); по крайней мере, не сможешь сказать, что их имеет тот, кто, обращаясь с душой, навсегда оставляет её под своей властью, из-за соображений тщетных, о которых он знает, что не останутся без наказания. Потому как несомненно, что душа, продвинувшись (вперёд), собирая на пути духовном, где Бог всегда ей споспешествует, должна сменить стиль и способ поклонения и должна иметь нужду в другом учении, уже более высоком, чем её собственное, и другого [персонального] духа. Потому что не все знают о событиях и межевых знаках на пути духовном, ни обладают духом, столь осознанным, чтобы распознавать ту и другую стадию жизни духовной, куда душа должна быть доставлена и направлена; по меньшей мере, он не должен думать, будто не имеет пред Ним никакого изъясна, или что Бог не хочет более продвигать вперёд эту душу. Не всякий, кто умеет обтёсывать дерево, умеет изваять образ, не всякий, кто умеет изваять, знает, как довести её и украсить, и не всякий, кто умеет украсить, знает, как написать его (образ) в красках, и не всякий, кто умеет написать, знает, как положить последний штрих и довести до совершенства; потому что каждый из них не может сотворить в образе большего, чем умеет, и, ежели захотят пройти дальше [своего знания], погубят [образ].

58. Итак, видим, ежели ты, знамо, не более, чем плотник, [и можешь только обтёсывать], – что значит привести душу к презрению к миру и умерщвлению её желаний; или, несколько больше, ты - ваятель, [и можешь только ваять], – что значит привести душу к святым размышлениям; и не умеешь большего, как доведёшь эту душу до высшего совершенства тонкого живописного письма, которое не состоит уже ни в обтёсывании, ни в ваянии, ни даже в рисовании, но в работе, которую должен делать в ней Бог? Итак, верно, что по твоей науке, которая всегда на один манер, ты делаешь так, что душа навсегда остаётся привязанной, или должна воротиться вспять, или, по меньшей мере, не идти вперед. Ибо, к чему сведётся, вопрошаю ты, образ, если всегда его только ковать, да обтёсывать. что в душе соответствует упражнению её потенций? Когда же будет закончен этот образ? Когда и как предоставлено будет Богу написать его? Может быть, ты занимаешь все эти должности, и так сведущ, что никогда сия душа не будет нуждаться ни в ком, кроме тебя?

59. И, допустим, яко имеешь для какой-то души (потому что она, возможно, не имеет таланта для дальнейшего продвижения), то всё же невозможно, чтобы имел бы для всех тех, которым не позволяешь выйти из под твоей руки. Ибо каждую из них ведёт Бог своим путём, так что насилу найдётся дух, который /хотя бы/ наполовину в методе, которым ведёт, согласился бы с другим. Потому как, кто же сравнится со Святым Павлом, который *сделался всем для всех, чтобы приобрести всех?* (I Кор.9,22). И, таким образом, ты тиранить души, так что лишаешь их свободы и присуждаешь себе пространство учения евангелического, так что не только заботишься, чтобы не оставили тебя, но, что хуже того, если по случаю узнаешь, яко какая-то душа трактует некую вещь иначе, нежели ты её трактуешь - или приводит её Бог к тому, что научает её вещам, которым ты не научил бы, ты устраиваешь ей (о чём не могу говорить без стыда) сцены ревности, какие бывают между супругами, каковая ревность не есть ревнование о чести Божией или пользе души сей (потому как не полезно, что допускаешь, яко нехватка такая тебя означает нехватку Бога), но - ревности твоей, заносчивости и высокомерия, или другого несовершенного твоего побуждения.

60. Крепко негодует Бог противу таковых и обещает им наказание через Иезекииля, говоря: *Питались вы молоком стада Моего, и укрывались шерстью его, а стада Моего не упасали; взыщу Аз - молвит - стадо Моё из руки вашей* (34.3 и 10).

61. Должны, стало быть, наставники духовные даровать свободу душам и обязаны казать им лицо благостное, когда те хотят обрести лучшее, потому что не знают, до какой степени захочет Бог облагодетельствовать какую-либо душу, особенно когда она уже не довольствуется его научением, что служит сигналом к тому, что оно ей больше не полезно, потому что, либо Бог ведёт её далее по иному пути, чем её наставник, либо духовный наставник должен изменить стиль, или сказанные учителя должны посоветоваться; прочее же рождено глупой заносчивостью, самомнением или другой какой претензией.

62. Но престанем теперь об этом и поговорим о другой язве, которую они имеют, и других худах, которые они используют. Ибо случается, что помазывает Бог некоторые души ароматами святых желаний и устремлений к оставлению мира, изменению жизни и стиля, и служения Богу, презираючи век, - то, что Бог высоко ценит в них: завершённость, обнаруживаемую в том, чтобы дойти до такого, потому что вещи века не суть о воле Божией, - и они тогда, исходя из причин человеческих или взглядов изрядно противных учению Христа и Его кротости и равнодушию ко всем вещам [века сего], опираясь на собственные интересы или удовольствия, или на страх там, где нечего бояться, или на то, что это их затрудняет, или что расширяет, или того хуже, из-за того, что перестали трудиться сердцем; так как, имея в духе малую преданность, больше покрыты мирским и мало смягчены во Христе, так что, как сами не входят тесными вратами жизни, также и не позволяют другим войти. Таковым грозит наш Спаситель устами Святого Луки, говоря: *Увы вам, захватившим ключи знания, что и сами не входите и другим не позволяете войти* (11,52). Потому что эти суть, поистине, вместо засова и препятствия врат небесных, меша-

ющие войти тем, кто испрашивает у них совета; зная [при этом], что имеют повеление Бога не только позволять и помогать войти, но что даже понуждать ко вхождению, говорящего им через Св. Луку: Убеди их войти, дабы наполнился дом Мой приглашёнными (14.24); эти же, напротив, принуждают, чтобы не входили. Поступающий подобным образом [наставник] есть слепец, способный помешать жизни души, которая есть Дух Святой, что и происходит со многими учителями многими способами, о которых здесь сказал только что: у одних сознательно, у других бессознательно. Но как одни, так и другие не останутся без наказания, потому что, по должности обязаны знать и видеть, что творят.

63. Второй слепец, о котором говорили, яко может затруднять душу в сём роде собранности, есть бес, который хочет, чтобы, поскольку он слепец, душа бы тоже такую была. Таковой, в сих возвышенных уединениях, в которых внедряются тонкие помазания Духа Свята (в чём имеет он тяжкое сожаление и зависть, ибо видит, яко душа не только обогащается, но что она взлетает, и он не может сосредоточить её ни на чём, поскольку душа одинока, обнажена и удалена всех творений и отпечатков их) озабочен тем, чтобы наложить на это удаление некоторые катаракты понятий и отуманивания соков чувственных иной раз добрыми, чтобы обкормить душу и так вернуть её к различению предметов и работе чувства, и который ищет в таковых соках и понятиях добрых, кои ей представляет и открывает, чтобы шла к Богу, опираясь на них; и в этом она легко разрушает и иссушает те самые одиночество и собранность, в коих, как мы сказали, Дух Свят творит свои великие таинства. Ибо, как сама по себе душа склонна чувствовать и вкушать, особенно если она ищет и не разумеет пути, что ведёт её, то легко прилепляется к некоторым понятиям и сокам, которые полагает в ней бес, и покидает уединение, в которое поместил её Бог. Потому что, как она в сём уединении и утишении потенций души не творит ничего, мнится ей, яко то, другое, лучше, из-за того, что нечто делает. И весьма сожалеательно, что душа, не разумея, через вкушение маленького кусочка частного понятия или особенного сока, лишает себя вкушения Бога во всех них в целом, потому что так творит то Бог в сём одиночестве, в кое её полагает, ибо вбирает её в себя посредством тех духовных помазаний уединённых.

64. Таким вот образом, посредством чуть большего, чем ничто, причиняются тяжелейшие вреды, понуждается душа к утрате великих богатств, извлечённая кусочком корма, словно рыба, из моря вод бесхитростных духа, в которые была погружена и поглощена в Боге, без опоры и подножия. И этим извлекается на берег, дающий ей опору и прислон; и так как обретает подножие и идёт своими ногами, по земле, с трудом, не купается [уже] в водах *Силоамских, текущих в молчании* (Ис.8,6) омываемая ароматами Божьими. И творит бес такое событие из этого, что впору удивиться; так что, полагая хоть и малый вред, но в сей части /жизни духовной/, главнее, чем многие /вреды/. содеянные многим душам, старается так, что насилу найдётся душа, которая прошла бы этим путём, чтобы не причинил он ей великих ущербов и не ввёл бы в великие утраты; потому что сей злодей полагает себя здесь с великой осмотрительностью в подходе, который имеет чувство к духу, обманывая и подкармливая души тем самым чувством, пронизывающим, как мы сказали, вещи чувственно-воспринимаемые. Не догадывается душа, что претерпевает некую утрату, из-за чего не входит в покои Супруга, оставаясь в дверях, чтобы смотреть, что происходит вовне, в части чувственной. *Всё это видит* – молвит Иов (41,25) – *бес*, то есть /видит/ высоту духовную душ, чтобы оспорить её. Откуда, ежели случается какая душа, входящая в возвышенную собранность, так что способом, о коем сказали, не может уже её рассеять, и, тем менее, ужасами, страхами или печалью телесными, или чувствами и гротыханьями внешними, то трудится, чтобы заставить её обратиться к чувству, да ищет внешнего и отвратится от [внутреннего] духа, вплоть до того, что, не могущи большего, оставляет её. Он, однако, с такой лёгкостью портит и отымает сокровища у этих драгоценных душ, что, хотя и ценит это больше, чем унижение многих других, не держит то за многое, из-за лёгкости, с которой сие творит, и малости того, чем жертвует. Через то, в таком предположении, можем уразуметь то, что говорил Бог о нём Иову, а именно: *Погло-*

тит реку и не удивится, и хранит уверенность, пусть далее Иордан впадет в уста его, – под чем разумеется наивысшая ступень совершенства. В собственных очах его поймает его, как на крючок, и шилом проткнёт ноздри его (40,18): то есть, остриями понятий, которыми будет поранен, развлечётся дух его, потому что воздух, выходящий ноздрями собранным, будучи проткнутым, разделяется на множество частей. И далее молвит: *Пред лицом его будут лучи солнечные и прольет золото под себя, словно тину (41,21).* Потому что понуждает души просветлённые утратить восхитительные лучи божественных понятий, и души богатые – пролить драгоценное золото божественных оттенков.

65. О, стало быть, души! Когда Бог сотворил вам такие превосходные милости, что ввел вас в состояние уединения и собранности, отделивши вас от вашего трудящегося чувства, не возвращайтесь к чувству: оставьте ваши деятельности, которые, если ранее помогали вам в отрицании мира и вас самих, так как были вы начинающими, теперь, яко сотворил вам Бог милость Самому быть работником (на вашей ниве), вы будете препятствием великим и мешающим. Так что, если будете стараться не полагать ваших потенций ни в какой вещи, освобождаясь ото всех и не вмешиваясь никуда, – единственное, что надлежит делать вам в сём состоянии, в соединении с осмотрительностью любовной и бесхитростной, о которой сказал выше, способом, о котором сказал там, так как иначе не сотворил бы вам жажды иметь её (вещь), потому что не сотворяете никакой силы душе, если не будете в отпущении всего и освобождении ея, – потому, не возмущайте и не нарушайте мир и покой, и Бог подкрепит вас пищей небесной, потому как вы не будете Его стеснять.

66. Третий слепец есть сама душа, которая, не разумея себя, как мы сказали, сама себе мешает и вредит: потому что, поскольку сама не умеет работать иначе, кроме как с помощью чувства и логического мышления, когда Бог желает поместить её в некую пустоту и одиночество, где она не сможет воспользоваться потенциями, ни совершать актов, видя, что не делает ничего, старается что-то делать, и так рассеивает себя и наполняется сухостью и безвкусицей, тогда как вкушала праздность мира и молчания духовного, в которые Бог тайно поместил её Своим мановением. И случится, что Бог будет настаивать, чтобы удержать её в сём молчаливом спокойствии, а она будет упорствовать в том, чтобы самой работать воображением и разумением. В чём уподобляется ребёнку, который, в то время как мать хочет носить его на руках, кричит и брыкается, с тем, чтобы идти своими ногами, и так ни сам не идёт, ни даёт идти своей матери: или, как если бы живописец, желал бы написать некий образ, а кто-то другой стал бы водить его рукой, так что ничего бы не вышло, или вымаралась бы картина.

67. Должна обратить внимание душа на то, что в сём спокойствии, хотя не ощущает себя идущей, ни делающей что-либо, шествует много успешнее, чем делала бы то своими стопами, потому что Бог несёт её на Своих руках: и так, хотя шествует по пути Божию, не ощущает этого. И, хотя сама она не творит ничего своими потенциями, много больше творит, чем если бы сама то делала, ибо Бог есть работник. А то, что она не замечает этого, не удивительно, потому что творимое в ней в сие время Богом непостижимо чувством, потому что творится в молчании; ибо, как молвит Мудрец, *слова мудрости слышны в молчании* (Эккл.9,17). Да останется душа в руках Божиих и не полагает ея в свои собственные, ни в руки других слепцов, потому что, когда бытует так и не вкладывает своих потенций ни во что, идет безопасно.

68. Возвращаемся, стало быть, теперь к предмету нашего интереса, то есть к тем глубоким пещерам потенций души, в которых, сказали, вельми страдает душа, когда Бог помазывает её и приготавливает наивозвышенными помазаниями Духа Свята, чтобы соединить с Собой. Каковы суть уже столь тонкие и столь деликатные помазания, что, проникая последнюю субстанцию дна души, уготовляют её и приправляют таким образом, что страдание и ослабление в желании с безмерной пустотой сих пещер тоже безмерно. Откуда замечаем, что ежели помазания, кои располагают эти пещеры души для [союза] супружества духовного с Богом так возвышенны, как мы сказали, каковы же, думаем, будут приобретения интеллигенции, любви и славы, которые имеют уже в сказанном (еди-

нении] с Богом разум, воля и память? Верно, яко будут отвечать тому голоду и жажде, что имеют эти пещеры, и, соответственно им, будут теперь удовлетворены и насыщены и обрадованы; и соответственные тонкости приуготовлений будут изящество приобретений души и удовлетворение чувства.

69. Под чувством души разумеется здесь доблесть и сила, которую имеет субстанция души, для того чтобы ощущать и вкушать предметы потенций духовных, которыми вкушает мудрость и любовь, и общение с Богом. И через то сказанные три потенции, память, разумение и волю, именует душа в этом стихе пещерами глубокими чувства, ибо посредством их, и в них ощущает и вкушает душа углублённо величия мудрости и превосходства Божьих. Ради какового насыщения, собственно, и зовёт их здесь душа пещерами глубокими: потому как чувствует, что в них вскармливаются глубокие интеллигенции и блистания светов огня, узнаёт, что имеют они такую емкость и столько пахух, сколько вещи различённые вмещают интеллигенции, вкусов, смаков, радостей и т.д. Бога. Каковые все вещи воспринимаются и умещаются в сём чувстве души, которое, как говорю, есть доблесть и способность, которые имеет душа, чтобы чувствовать, обладать и вкушать всё то, управляя пещерами потенций так, как обычное чувство фантазии откликается на формы предметов чувств телесных, являясь их приёмником и хранилищем. Через что, это обычное чувство души, становящееся приёмником и хранилищем величий Бога, бывает настолько освещённым и богатым, насколько достигает сего высокого и прояснённого владения.

Которые были слепы и темны:

70. Следует разуметь, перед тем, как Бог их прояснил и осветил, как сказано. Для понимания чего нужно знать, яко из-за двух вещей может чувство зрения потерять способность видеть: либо из-за темноты, либо из-за слепоты. Бог есть свет, освещающий предметы души. Когда он не светит, бывает тьма, хотя бы зрение было очень острым. Когда душа во грехе или исполнена вожделениями к прочим вещам, тогда тоже бывает слепа; и, хотя бы тогда на неё падал свет Божий, она, поскольку слепа, не видит темноты души, которая есть невежество души, которая, до того как Бог осветил её этим преображением, была тёмной и невежественной относительно всех благ Божиих, как молвит Мудрец о том, каким он был до того, как Премудрость осветила его, говоря: *Невежества мои осветил* (Эккл. 51,26).

71. Говоря духовно, одно дело быть в темноте, а другое – во мраках; потому что пребывать во мраках означает быть слепым (как мы сказали) о грехе; однако находиться в темноте можно и не имея греха. И это – двумя способами, а именно: соответственно природному, не имея света, освещающего некоторые вещи естественные, и соответственно сверхприродному, не имея света для некоторых вещей сверхъестественных. И относительно сих двух вещей молвит здесь душа, яко было затемнено её чувство до этого драгоценного [союза]; ибо до тех пор, пока Господь не изрёк: *Да будет свет!* (Быт. 1.3), была тьма над [лицом] бездны пещеры чувства души. Каковое [чувство], чем более бездонно и из более глубоких расщелин, тем более бездонны и глубоки пещеры, и тем более густы мраки его относительно вещей сверхъестественных, когда Бог, являющийся его светом, не освещает его; и так бывает невозможно ему возвести очи к божественному свету, ни помыслить о нем, потому что не знает, каков есть, не видевши его никогда. И, через то, не может и хотеть его: скорее возжелает тьмы, потому что знает, какова она, и идёт из одного мрака в другой, ведомый этой тьмой. Потому что не может быть приведен тьмою никуда, кроме как в другую тьму, ибо, как молвит Давид, *день переливается в день, и ночь научает знанию ночь* (Пс. 18.2). И так *бездна призывает другую бездну* (Пс. 41,8), а именно: бездна света призывает другую бездну света, и бездна мрака – другую бездну мрака, призывая каждая подобную себе и сообщая себя ей. Итак, свет благодати, которую Бог ранее даровал этой душе, которым просветил он око бездны духа ея, открывши его божественному свету и соделавши её [душу] в этом приятной Себе, – взывает к другой бездне благо-

дати, которая есть то преображение божественное души в Боге, в коем око чувственное пребывает столь проясненным и приятным Богу, что можем сказать, яко свет Бога и свет души во всём едины: объединены свет естественный души со сверхъестественным Бога, и осияны уже только сверхъестественным; подобно тому как свет, который сотворил Бог, единится с солнцем и светит уже единственно солнцем, не испытывая нужды в другом.

72. И было слепо также, когда удовольствовалося другими вещами; потому что слепота чувства разумного и превосходного есть вожделение, которое, как катаракта и бельмо, загораживает и налагается на око разумения, так что не видит оно вещей, кои суть перед ним. Оттого, когда в чувстве имелось стремление к некоему смаку, было оно слепо к зрелищу величия богатств и красоты божественных, что было следствием катаракты; потому что, точно так, как некая, даже очень маленькая вещь, будучи положенной на око, бывает довольной для того, чтобы захватить зрение, так что не будет видно других вещей, что находятся пред ним. как бы велики они не были, так же лёгкое вожделение и праздное деяние, которые испытывает и совершает душа, достаточны для того, чтобы помешать всем этим великим чудесам, находящимся за прихотями и аппетитами, которыми вожделеет душа.

73. О, кто сможет поведать здесь, сколь невозможно для души, имеющей вожделения, судить о вещах Божиих, каковы суть! Ибо, для того чтобы достойно судить о вещах Божьих, нужно совершенно отбросить аппетит и вкус внешние, и не судить с помощью их, потому что неминуемо придёшь к тому, что примешь вещи Божие за не божие, а те, что не исходят от Бога, за исходящие от Него. Так как, имея эти катаракту и бельмо на глазу рассудка, не видишь ничего, кроме катаракты, один раз такого цвета, другой раз иного, в зависимости от её расположения; и думаешь, будто катаракта – это Бог, потому что, как говорю, не видишь большего, чем катаракта, которая на чувстве, а Бог не вносится в чувство. И таким образом вожделение и удовольствие чувственные мешают узнаванию вещей высоких. Что добре даёт уразуметь Мудрец в следующих словах, говоря: *Ложь тщеты затемняет блага, а непостоянство похоти спутывает чувство без злого умысла* (Прем. 4.12), а именно, здравое суждение.

74. Из-за этого те, что не столь духовны, чтобы быть очищенными от вожделений, но которые вместе с тем отличаются живостью в них, поступают так, что вещи, которые суть в большей части подлы и низки для духа, которые таковы, что больше приходится к чувству, соответственно которому они, между прочим, живы, их они принимают за великие, а те, которые более драгоценны и более высоки для духа, которые более далеки от чувства, те держат за малое и не ценят их, и даже, иной раз, считают их сумасбродными, как хорошо даёт понять Святой Павел, говоря: *человек животный не воспринимает вещей Божьих; они для него сумасбродны и очень трудны для понимания* (I Кор. 2.14). Под человеком животным разумеется здесь тот, кто всё ещё живёт аппетитами и вкусами естественными; потому что, хотя некоторые вкусы и рождаются в чувстве духом, если человек хочет ухватить их посредством аппетита естественного, они уже суть не более, чем похотения естественные; так что неважно, что предмет или намерение сверхъестественны, если аппетит исходит из того же естества, имея свои корень и силу в естестве, и от этого остаётся вожделением естественным, потому что имеет ту же самую субстанцию и природу, которая была бы сопряжена с побуждением и материей естественными.

74. Скажешь мне: "Стало быть, тотчас следует [отсюда], что когда душа вожделеет к Богу, не вожделеет его сверхъестественно, и так это желание не будет угодно Богу". Отвечаю, яко истина есть, что вожделение, которым душа вожделеет к Богу, не всегда бывает сверхъестественно, но лишь когда Бог внедряет его, подавая силу такому вожделению, и бывает оно весьма отличным от естественного, и пока Бог его не внедрит, оно не заслуживает ничего или весьма немногого. Итак, когда ты сам от себя хочешь иметь вожделение к Богу, не является оно большим, нежели вожделением естественным, и не будет ничем большим до тех пор, пока Бог не пожелает сообщить его [тебе], говоря сверхъестественно. Откуда, когда ты, сам от себя, хочешь привязать вожделение к вещам духовным и

хочешь ухватить вкус их, задействуя свой естественный аппетит, и тогда катаракта ложится на око твоё и не можешь перестать быть животным; и так не сможешь ни понять, ни судить о духовном, кое есть сверх всякого чувства и вожделения естественных. А ежели имеешь ещё сомнения, не знаю, что сказать тебе, кроме как, прочти ещё раз; быть может, уразумеешь, яко сказанное есть субстанция правды, и нестерпимо далее задерживаться на этом.

76. Это чувство души, стало быть, которое ранее было тёмным без света Божия и ослеплённым своими аппетитами и страстями, стало не только освещённым и ясным в глубоких его пещерах, посредством божественного единения с Богом, но даже соделает его сплошным блистающим светом вместе с пещерами его потенций.

***С дивными совершенствами
тепло и свет дарит разом
своему Возлюбленному.***

77. Потому что эти пещеры потенций так уже изумительно и чудесно вселились в восхитительные блистания тех ламп, которые, как мы сказали, зардели в ней (душе), посылаемы к Богу в Боге, тем большее передавая, что соделали себя к Богу; те самые блистания, которые приняты с любовной славой, наклонённые к Богу в Боге, также соделанные едиными возожжёнными светом в блистаниях светов божественных, даруя Возлюбленному те самые свет и тепло, кои восприяли; потому что здесь тем же способом, каким были восприняты, отдаются тому, кто принимает их, и они отданы с теми же самыми совершенствами, с какими даются, как делает то глазурь, когда на неё падает свет солнца, которая также отбрасывает блистания; хотя то, другое, проходит гораздо более возвышенным образом, для того чтобы входить в него деятельностью воли.

78. *С дивными совершенствами* означает странными и чуждыми всякому обыкновенному мышлению и всякому восхвалению и всякому образу и способу. Потому что, сообразным совершенству, с которым разум воспринимает божественную мудрость, сделавшись единым с Богом, является совершенство, с которым отдаёт её душа, ибо не может давать иначе, как способом, которым она ей дарована; и сообразным совершенству, с которым воля бывает едина в доброте, является совершенство, с которым она отдаёт Богу в Боге ту самую доброту, ибо не принимает её иначе, чем для отдания; и, не больше ни меньше, согласно совершенству, с которым в величии Бога познаёт, ставши единой в нём (сиречь величии), светит и дарует тепло любви; а соответственны началам и совершенствам божественных атрибутов, кои Он сообщает ей там, — крепости, красоты, справедливости и т.д., суть совершенства, с которыми чувство, услаждаемое, дарованное в её Возлюбленном, есть те самые свет и тепло, которые получила от своего Возлюбленного. Потому что, соделавшись здесь одной и той же вещью в Нём, известным образом она есть Богиня, по причастию; так что, хотя и не так совершенно, как в другой жизни, является, как мы говорили, ровно тенью Бога. И с этой стати, посредством сказанной субстанциальной трансформации ощущающая себя тенью Бога, творит она в Боге ради Бога то, что Он творит в ней Сам, способом, которым Он творит, ибо воля обоих — едина; и так деятельность Бога и её едина. Откуда, поскольку Бог наделил её от Себя свободной и благой волей, то также и она, обладая волей настолько более свободной и благородной, насколько более едина в Боге, дарует Богу самого Бога в Боге, и есть правдивое и всецелое даяние души Богу. Потому что там видит душа, что поистине Бог — её, и что она обладает Им, как унаследованной собственностью, владеет по праву, как сын Божий приёмный, по благодати, которую сотворил ей Бог, даровавши ей Себя самого, и которую, как вещь собственную, может она подарить и сообщить тому, кому вольно пожелала бы; и так дарует её своему Возлюбленному, который есть тот же Бог, который дал ей её. Каковым образом оплачивает она Богу всё то, что он уделил ей, поскольку волею отдаёт Ему всё, что восприимчива от Него.

79. И потому, в сём даянии, что творит душа Богу, отдаёт Ему Духа Свята, как

вещь собственную, добровольным вручением, чтобы Он и в Ней возлюбил Себя, как Он того заслуживает, имеет душа неоценимую радость и благополучие, ибо видит, что даёт Богу свою собственную вещь, которая соразмерна Богу, согласно Его бесконечному бытию. Так что, хотя истина есть, что душа не может сызнова даровать самого Бога Ему самому, так как Он всегда есть в Себе тот, кто Он есть, однако душа, о себе совершенная и действительно творит это, отдавая всё то, что Он даровал ей, чтобы снискать любовь, которая есть давать, поскольку тебе дают. И Бог уплачивает Сам Себе этим даянием души (который меньшим не удовлетворился бы), и Бог берёт его с признательностью, как вещь, которую сам даёт душе, и в этом самом даянии вновь любит Он душу, и в этом переворачивании от Бога снова душе душа также любит как бы заново. И так между Богом и душой действительно устанавливается взаимная любовь, отвечающая союзу и отдаче брачным, в котором блага обоих, которые суть божественная сущность, полагаемые каждым добровольно, по причине свободной отдачи одного другому, принадлежат им обоим соединённым, говорящим друг другу то, что Сын Божий сказал Отцу, согласно Святому Иоанну, а именно: *Omnia mea tua sunt, et tua mea sunt et clarificatus sum in eis*, то есть: *Все мои блага Твои суть, а твои блага - мои. и очищен есмь в них* (17,10). Что в другой жизни есть беспрерывность в совершенном удовлетворении; но в сём состоянии единения случается, когда Бог вершит в душе этот акт преображения, хотя и не с таким совершенством, как в другой жизни. А что может душа вершить сказанное даяние, хотя много более существенное, чем её способность и быт, есть вещь ясная, потому что бывает так, что владеющий многими народами и царствами, которые суть много более существенны, может подарить их, кому пожелает.

80. Сие есть великое удовлетворение и довольство души видеть, яко даёт Богу больше, нежели она есть в себе, и лучше, за счёт того самого света божественного и пыла божественного и уединённости; каковое в следующей жизни бывает посредством сияния Славы, а в таковой – посредством веры просвещённой. Таким образом, глубокие пещеры чувства, с выдающимися совершенствами, теплом и светом, даются соединённо её Возлюбленному. Соединённо, молвит, потому что соединённо есть общение Отца и Сына и Святого Духа в душе, которые суть свет и огонь любви в ней.

81. Отметим, однако, здесь кратко совершенства с которыми душа вершит сказанную отдачу. Относительно чего следует заметить, что, так как душа вкушает известный образ удовлетворения, причиняемый союзом разума и аффекта с Богом, будучи обрадованной и обязанной такой великой милостью, творит сказанную отдачу Бога и себя Богу чудодейственными способами. Потому что о любви сцепляется душа с Богом удивительными совершенствами, и о сём следе удовлетворения, ни больше, ни меньше, о похвале также, и, по подобию, о благодарности.

82. Что до первого, имеет три главных совершенства любви. Первое есть то, что любит душа Бога не собою, но Им самим, что есть удивительное совершенство, потому что любит Святым Духом, подобно Отцу и Сыну любящим, как тот же Сын молвит об этом устами Святого Иоанна, говоря: *Любовь, которою меня любимиши, да будет в них, и аз в них* (17,26). Второе совершенство есть любить Бога в Боге, поскольку в этом союзе пылко поглощена душа любовью к Богу, а Бог с великою же пылкостью возвращает Себя душе. Третье совершенство главной любви состоит в том, чтобы любить Бога за то, каков Он есть, потому что любит Его душа не только за то, что Он так щедр, благ и славен для неё, но много сильнее за то, что Он таков Сам по Себе, в существе Своём.

83. И, соответственно этому, образ удовлетворения имеет три других совершенства чудных, драгоценных и превосходных. Первое то, что душа радуется там Богу, ибо так радуется Ему ради самого Бога, потому как душа здесь единит свой разум во всемогуществе, мудрости и доброте, и т.д. (хотя не так ясно, как то будет в последующей жизни), величаво радуется во всех этих вещах различие, как мы говорили выше. Второе главное совершенство этого наслаждения есть регулярная услада только в Боге, безо всякой примеси тварного. Третья услада есть радоваться исключительно тому, Кто Он есть, без примеси

какого-либо самоудовольствия.

84. Касательно же той хвалы Богу, которую душа возносит в этом союзе, имеем три других совершенства хвалы. Первое – по должности, так как видит душа, яко ради сей хвалы сотворил её Бог, как и сказал о сём через Исаяю, говоря: *Сотворю народ сей для себя, да будет петь Мне хвалу* (43,21). Второе совершенство хвалы есть о благах, которые получает, и которыми услаждается, когда хвалит Его. Третье же есть хвала Богу, ради того, Кто Он есть в Себе, потому что, хотя душа и не воспринимает никакой услады, всё равно хвалит Его, за то, каков Он.

85. Что до благодарности, то имеет здесь других три совершенства. Первое – благодарит за блага естественные и духовные, которые получила, и за благодеяния. Второе – это великое наслаждение, которое имеет в благодарности Богу, потому что с великим пылом растворяется в этой благодарности. Третье – это благодарность единственно за то, что Бог есть [сам по Себе], которая много сильнее и усладительнее.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*Сколь кроток и любовен
пробуждаешься в моём лоне.
где единственный тайно обитаешь
и в твоём дыхании сладком
славой и благом полным
сколь утончённо меня завлекаешь!*

РАЗЪЯСНЕНИЕ

1. Обращается душа здесь к своему Супругу со многою любовью, воздавая Ему должное и благодаря Его за два замечательных действия, которые временами творит Он в ней посредством этого единения, указывая также способ, которым действует в каждом случае, а также эффект, который переливается в неё при этом.

2. Первое действие есть поминание Бога в душе, а способ [которым оно творится есть кротость и любовь. Второе есть воздыхание в душе к Богу, а способ] такового есть благо и слава, которые сообщаются ей в этом воздыхании. И то, что переливается здесь в душу, есть возлюбление её тонкое и нежное.

3. Итак, это всё равно, как если бы сказала: То поминание, что творишь, о Супруг Слово, в центре и основе моей души, кое есть чистая и интимная её субстанция, где тайно и молчаливо в одиночестве, как единственный Господь её, обитаешь, не только как в твоём доме, не только как в самой твоей постели, но также как в моём собственном лоне, близкий и тесно соединённый, как тихо и любовно творишь его!, то есть великолепно любовное и кроткое. И в сладостном воздыхании, которое в этом поминании Тебя творишь, сладостном для меня, наполняющейся благом и славой с каковой деликатностью воспаляешь и влюбляешь меня в себя! Что находит душа подобным тому, как воздыхает она, вспомнивши о своей мечте, – так здесь она чувствует. Откуда следует стих;

*Сколь кроток и любовен
пробуждаешься в моём лоне!*

4. Многими способами творит Бог поминание в душе, столь многими, что если бы мы решили рассказать о них, никогда не закончили бы. Однако, это воспоминание, о котором хочет дать понять здесь душа, которое творит ей Сын Божий, есть, с моей точки зрения, из наиболее возвышенных и приносящих душе наилучшее благо. Потому что это воспоминание, кое творит Слово в субстанции души, есть движение столь величавое, господское и славное, и такой сладостной интимности, что мнится душе, яко все бальзамы, ароматы и цветы мира вмешались и засуетились, поворачиваясь, чтобы подарить свою ус-

ладу, и будто все царства и господства мира и все могущества и доблести неба подвиглись, и не только это, но что также все доблести и субстанции и совершенства и благодати всех вещей сотворенных засверкали и совершили то же самое движение, все как один и в одном. Так что, поскольку, как молвит Святой Иоанн (1,3), *все вещи в Нём суть жизнь, и в Нём живы и суть, и подвижны*, как также говорит Апостол (Деян. 17,28); откуда следует, что подвизается в душе столь великий Правитель, чьё владычество, как говорит Исайя, *несёт на плече своём* (9,6), которое распространяется на три махины – небесную, земную и преисподнюю, и вещи, которые в них; *одерживает все*, как говорит Святой Павел (Евр.1,3), *Словом своей доблести*, все, представляющиеся движущимися как единое целое, подобно тому, как движение земли сообщает движение всем материальным вещам, пребывающим на ней, как если бы ничего не делали; так бывает, когда движется сей Князь, который несёт на себе свой двор, а не двор его.

5. Хотя это сравнение довольно несуразно, потому что здесь всё не только представляется движущимся, но всё также открывает красоты своего бытия, доблести, привлекательности и покровительства, и корень своей длящести и жизни; так как замечает там душа, как вся тварь верха и низа черпает свои жизнь, длящестъ и крепость в Нём, и видит ясно то, что говорит Он в книге притчей Соломоновых, молвя: *Мною царствуют цари и Мною правят князья, и владычные вершат суд и разумеют справедливость* (Пртч. 8,15-16). И хотя истина есть, яко примечает душа, что эти вещи отличны от Бога, поскольку сотворены, и видит их в Нём Его силой, корнем и крепостью, столь же верно и то, что познаёт бытие Божие в своём бытии бесконечно превосходящим все эти вещи, так что познаёт их лучше в Его бытии, чем в самих вещах. И сие есть великое утешение сего поминовения: познавать творения через Бога, а не Бога через творения; что значит познавать эффекты по их причине, а не причину по её действиям, что есть знание последствий, тогда как то – существенное.

6. И как бывает это движение в душе, несмотря на то, что Бог неподвижен, есть вещь дивная, потому что, хотя тогда Бог реально не движется, душе представляется, что поистине движется; потому как она обновлена и подвигнута Богом, через что и видит сие сверхъестественное зрелище, и открывается ей с толикой новизной эта божественная жизнь и быт и гармония всей твари в ней с её движениями в Боге, что мнится ей, яко то Бог движется, и что берёт причина имя действия, согласно каковому действию можем сказать, что Бог движется, равно как и Мудрец молвит, яко *Премудрость подвижнее всех вещей движущихся* (Прем. 7,24). И это не потому, что сама движется, но потому что является началом и корнем всякого движения и, *постоянно в себе пребывая*, как молвит тут же (ст. 2 7), *все вещи обновляет*. Итак, то, что хочет здесь сказать, есть то, что Мудрость активнее всех активных вещей. Итак, должны мы здесь сказать, что душа в сём движении опоминается от мечтательности зрения естественного и подвизается к зрению сверхъестественному. И через это весьма основательно называет это опоминанием (или пробуждением).

7. Бог, однако, всегда остаётся здесь, как заметила то душа, движущим, правящим и дарующим бытие и доблесть и милость и дары всем тварям, имея их в себе и виртуально, и осуществление, и субстанциально, видяще душа то, что Бог есть в Себе и что в Своих творениях, единым взглядом, подобно тому, как некто, отворивши врата дворца, разом видит превосходство особы, находящейся внутри, и, вместе с тем, убранство дворца, достойное этой персоны. Итак, то, что я разумею под сказанным воспоминанием и видением, есть снятие перед ней, стоящей в Боге субстанциально, как и вся тварь, некоторых из многих вуалей и завес, стоящих перед ней, чтобы смочь увидеть, каков Он есть, и тогда просвечивает и видится, но не совсем ясно (потому что не все вуали сняты) этот лик, полный милости, относительно которого, поскольку все вещи движутся Его доблестью, всё соделанное представляется соединённым с Ним, и кажется. Он движущимся в них, а они в Нём неостановимым движением; и через то мнится душе, яко Он движется и воспоминает в её чувстве движения и припоминания.

8. Такова есть низость теперешней нашей жизни; что, каковы мы суть и бываем, так же думаем и о других; и по себе судим о других, потому что суд наш исходит и начинается в нас самих, а не вовне. Итак, вор думает, что и другие воруют; а сладострастник думает, что и у остальных тот же характер; и злобный, что и другие таковы, выводя своё суждение из своей злобы; а добрый думает о других хорошо, выводя это суждение из доброты, которую он выносил в себе; а беззаботному и сонливому кажется, что и остальные таковы же. И отсюда следует, что когда мы бываем небрежны и сонливы перед Богом, нам кажется, что и Бог небрежен и сонлив в отношении нас, как это видно из псалма 43, где молвит Давид Богу:

Восстани, Господи, почто дремлешь?; восстани (ст.23), полагая в Боге то, что находил в человеках, которые, зная себя сонливыми и падшими, говорят о Боге, яко Он есть спящий и пробуждающийся, так как хотят, чтобы *никогда не спал хранящий Израиля* (Пс. 120,4).

9. Однако, поистине, так как всё доброе человека приходит от Бога, и человек сам по себе не может быть ничем добрым, то верно говорится, что наше опоминание есть опоминание Бога, и наше подъятие есть подъятие Бога. Итак, Давид сказал как бы следующее: Подними нас дважды и пробуди нас, потому что мы спящие и падшие двубразно. Откуда, поскольку душа спит сном, от которого сама собою никогда не сможет пробудиться, и только Бог есть тот, кто в состоянии открыть ей очи и сотворить сие пробуждение [которое есть вспоминание Бога], весьма уместно называет это *пробуждением Бога*, говоря: *Пробуждаешься в моём лоне*. Пробуждаешь нас Ты и возвращаешь зрение, Господин мой, чтобы познали мы и возлюбили блага, которые всегда предлагаешь нам, и ведали, яко Ты подвизаешься к оказанию милости нам, и что Ты помнишь о нас!

10. Совершенно несказанно то, что познаёт и чувствует душа в этом воспоминании превосходства Божия, потому что, испытывая приобщение к превосходству Бога в субстанции души, которая есть лоно её, о коем здесь молвит, звучит в душе безмерная энергия во гласе множества превосходств, миллиардов доблестей, неисчислимых, Бога. В каковых задержавшаяся душа становится грозной и согласно в них выстроенной, подобно войску (Песн.6,4), и улаждающей и благодарствующей всеми уладами и прелестями творений.

11. Является, однако, сомнение: как возможет претерпеть душа столь сильное общение в слабости плоти, которая в действительности не имеет в себе субъекта и крепости, чтобы выстрадать это без ослабления? Потому как, царица Эсфирь, только увидевши царя Артаксеркса на троне его в облачениях царских и блистающем золотом и драгоценными камнями, настолько испугалась видеть его, так ужасного видом, что ослабела, – как поведала о сём там, говоря, что *из-за страха, что оказана ей такая великая почесть, ибо казалось ей, будто, ангел глядит на неё, и лицо его исполнено милости, ослабела* (Эсф. 5,1) – потому что слава подавляет того, на кого смотрит, когда не прославляет; стало быть, насколько же более должна ослабнуть здесь душа, ибо не ангел есть тот, на которого бросает взор, а сам Бог, с лицом, исполненным милости ко всем творениям и ужаса мощи, и славы, и гласа множества превосходств? Об этом молвит Иов (26,14) яко, *когда так плохо слышим единую каплю, кто сможет вытерпеть величие его грома?*; а в другой части говорит: *не хочу, чтобы судил меня и обращался со мной со многою силой, ибо тогда, быть может, не угнетёт меня весом своего величия* (23,6).

12. Однако, причина, по которой душа не ослабевает и не пугается в сём пробуждении, таком могущественном и славном, распадается на две (причины). Первая та, что душа, будучи уже в стадии совершенства, как она здесь есть, в котором часть внутренняя зело очищена и сообразна духу, не ощущает того вреда и муки, какие в этих общениях духовных обычно ощущают дух и чувство, неочищенные и нерасположенные для приятия их. Однако, этой (одной причины) недовольно для того, чтобы избежать ущерба перед лицом такого величия и славы, поскольку, хотя природное и весьма чисто, вместе с тем, поскольку превосходит природное, портит его, подобно тому, как действует на потенцию

чрезмерно осязаемый [предмет]; так что в этом предположении разумеется то, что мы привели из Иова. Но вторая причина есть та, которая творит сказываемое здесь душою в первом стихе, яко оказывается кротким; ибо так, как Бог показывает душе величие и славу, чтобы восхвалить и возвеличить ея, так благоволяет ей, чтобы не восприимала вреда, защищая естество, демонстрируя духу своё величие с ласкою и любовью к оправданию естества, так что не ведаёт душа, происходит ли сие в теле её или вне его; что весьма хорошо может делать тот, кто защитил Моисея десницей своей (Исх. 33,22) от лицемерия Славы Его. Итак, толикую кротость и любовь чувствует душа в Нём, сколько и мощь, и господство, и величие, потому что в Боге всё это – одна и та же вещь; итак есть сильная радость и защита крепкая в кротости и любви, чтобы претепеть сильное наслаждение; итак, душа скорее упрочняется и крепчает, нежели ослабевает. Так что, ежели Эсфирь обмерла, то это случилось, потому что в начале царь не выказал ей благоволения, но, как молвит там, *очами пылающими обнаружил ярость груди своей* (Эсф.5,1); однако, тут же удостоил её, протянувши свой скипетр и коснувшись им её, и обнял её, переменявшись, сказавши, *яко брат он её, да не робеет* (Эсф. 5,2).

13. Итак, с этого момента ведёт себя здесь Царь небесный по отношению к душе дружелюбно, как к равной себе и сестре своей, так что с этого момента не робеет душа; потому что являет ей в кротости, а не в ужасе крепость своей мощи и любовь своей доброты, сообщает ей крепость и любовь своей груди, нисходя к ней с трона душевного, *как жених из брачного чертога своего* (Пс. 18,6), в котором укрывался, наклоняясь к ней и касаясь её жезлом своего могущества, и обнимая её, как брат. И там одеяния царские и ароматы их, кои суть восхитительные доблести Бога; там сияние злата, кое есть милосердие; там блеск камней драгоценных понятий о субстанциях превосходных и подчинённых; там лик Слова, исполненный милостей, которые отбрасываются на царицу души и облекают её, таким образом, что преображается она в этих доблестях Царя небесного и становится царицей, так что поистине становится возможным сказать о ней то, что говорит Давид в псалме (44,10), а именно: *Стала царица одесную тебя в одеянии златном и окружённая разнообразием*. И поскольку всё это происходит в интимной субстанции души, молвит она тотчас:

где единственный тайно обитаешь

14. Говорит, яко обитает тайно в её лоне, как мы сказали, на дне субстанции души вершится это сладкое объятие. Это означает, яко Бог во всех душах обитает тайно и сокрыто в субстанциях их, потому что, ежели не так, то не могли бы они длиться. Имеется, однако, различие в характере этого обитания, и большое; потому что в одних живёт одинокий, а в других не один, в одних живёт привечаемый, а в других не привечаемый, в одних живёт, как в своём доме, повелевая и управляя всем, а в других живёт, как чужак в доме чужом, где ему не позволяют ни приказывать, ни делать что-либо. Душа, в которой обитают меньшее число собственных её appetitов и прихотей, есть та, где Он более уединён и более привечаем, и более по-домашнему (как в доме своём) живёт, управляя и властвуя; и тем более тайно обитает, чем более уединён. Итак, в душе, напроочь лишённой вожделений, в которой не живут никакие образы, формы и аффекты, какой-либо вещи сотворенной, таинственнейше обитает Возлюбленный, с настолько более интимными и внутренними, и тесными объятиями, насколько она, как мы сказали, более чиста и отъединённа от всякой вещи, кроме Бога. Итак, пребывает тайно, потому что этого места объятия не может достичь бес, ни разум человеческий может постигнуть, каково есть. Но для самой души в сём совершенстве не бывает тайным, так что она чувствует в себе это интимное объятие; однако, в соответствии с указанными пробуждениями, не всегда, потому что, когда обнимает её Возлюбленный, мнится ей, яко пробудился Он в её лоне, где до тех пор пребывала как бы спящей; что, хотя чувствует его и вкушает, бывает, как если бы возлюбленный почивал сном; и, когда один из этих двоих спит, не сообщаются интеллигент-

ции и влюблённости обоих, до тех пор, пока оба не пробудятся.

15. О сколь же счастлива душа, которая всегда чувствует Бога покоящимся и расположившимся в её лоне! О, как же нужно ей отделяться от вещей, бежать от дел и жить с безмерным спокойствием, так как даже при малейшем движении или шуме неуспокоенном не возбудит лоно Возлюбленного! Но остаётся он там, обычно, словно спящий в объятиях с супругой, в субстанции души, каковое объятие она обычно весьма хорошо чувствует и которому обычно радуется. Потому что, если бы Жених всё время пребывал в ней разбуженным, сообщая понятия и влюблённости, была бы она уже во Славе. Потому что, ежели единый раз пробудившись и чуточку приоткрыв своё око, столько полагает на душу, как мы сказали, – что было бы, если бы обычным для неё стало его изрядное пробуждение?!

16. В других душах, не достигших этого союза, которые хотя и не являются отвергнутыми, потому что в конце концов попадают в милость, однако, поскольку они ещё не достигли доброго расположения, то, хотя и обитает в них, обитает тайно для них; потому что не чувствуют его обычно, но только когда он творит им некоторые приятные опоминания, хотя и не того рода и не той чеканки, что у первых: не имеют, ибо, того, чтобы видеть с Ним, ни для разума и беса утаены они так, как первые, потому что всё ещё способны нечто уразуметь посредством движений чувства, поскольку вплоть до соединения не уничтожены они полностью, так что совершают всё ещё некоторые действия и движения вослед за духом, будучи не во всём целостно духовными. Но в сём воспоминании, которое Супруг творит в сей душе совершенной, всё, что происходит и делается, суть совершенно, потому что всё сие творит Он; таким образом, как будто разом пробуждается и дышит: чувствует душа удивительную радость во вдыхании Духа Святого в Боге, в котором верховной властью славится она и возлюбляется, и через то высказывает следующие стихи:

***И в твоём дыхании сладком
славой и благом полным,
сколь утончённо меня влюбляешь!***

17. О каковом вдыхании, исполненном блага и славы, и утончённой любви Божией к душе, я не хотел бы говорить, ни уже хочу, потому что вижу ясно, что не знаю, как сказать, а покажется, будто знаю, если скажу. Потому что в сём вдыхании, кое творит душе Бог, в котором, через воспоминание высокого знания Божественности, она вдыхает Духа Свята, в той же пропорции, какой была интеллигенция и понятие Бога, в котором она глубочайше поглощается Духом Святым, возлюбленная совершенной и утончённой божественностью, соответственно тому, что видела в Боге. Потому что, ощущая дыхание, исполненное благодати и славы, в коем наполнил Дух Святой душу благом и славой, в котором влюбил её в Себя сверх всякого языка и чувства в глубинах божественных. Богу же честь и слава во веки веков. Аминь.
